

Министерство Внутренних
Дел
ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
СВИДЕТЕЛЯ

11

Рафаэль Дамиров

КУРСАНТ

Курсант: Назад с СССР

Рафаэль Дамиров

Курсант. Назад в СССР 11

«Автор»

2024

Дамиров Р.

Курсант. Назад в СССР 11 / Р. Дамиров — «Автор»,
2024 — (Курсант: Назад с СССР)

СССР 1986 год. Знаменитый писатель советских детективов Светлицкий не подозревал, что у него появится "черный" последователь. Литейск потрясла череда убийств, обставленных, как описано в романах мэтра. Спецгруппа Горохова прибывает в Литейск для расследование одного из резонансных убийств, но Андрей Петров вскоре понимает, что они имеют дело не с одиночным преступным эпизодом, а с очередным зловещим серийником...

© Дамиров Р., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Рафаэль Дамиров

Курсант. Назад в СССР 11

Глава 1

Сентябрь 1986 года

Литейск, город областного значения в европейской части СССР

Дверной звонок надрывно бзыкнул, нарушив мрачную тишину широкой лестничной площадки в старинном жилом доме. Четырехэтажка расположилась в историческом центре города, построена она была еще в девятнадцатом веке под доходный дом, а в недавнем прошлом жилое строение чудом избежало участи быть изнутри порезанным на коммуналки, сохранив просторные квартиры для индивидуального проживания граждан.

Хилая лампа в широком и прохладном, как пещера, подъезде еле высветила мужчину в мышинового цвета плаще и фетровой шляпе, надвинутой на глаза. Воротник плаща приподнят до ушей, будто мужчина прятался от непогоды. Но в парадной ни ветра, ни дождя, лишь поскрипывает форточка, пропуская дыхание осеннего вечера. Пасмурного и безлунного. Даже уличные фонари, казалось, сегодня поглотила чернота. Стемнело раньше обычного, так бывает, когда тучи собираются вместе и скрывают закат.

Незнакомец снова нажал на кнопку звонка, вросшую в серую стену с причудливой паутиной проводов.

– Кто там? – раздался старческий голос из-за двери с облупившейся краской цвета застарелой глины.

– Милиция! – уверенно проговорил человек в шляпе и плаще. – Откройте!

Для большинства советских граждан этого более чем достаточно, чтобы впустить незнакомца в свое жилище.

– Ох, что же так поздно-то! – запричитала бабуля, возясь с замком.

Дверь приоткрылась, и из проема показалось приплюснутое от возраста лицо старушки. Круглое, словно старое блюдо, в обрамлении каемки из серебристых кудряшек. Поверхность «блюдца» усеяна трещинками-морщинами. Любопытные глаза с подводкой из туши уставились на незваного гостя.

– Здравствуйте, гражданочка, – мужчина шагнул в квартиру, не дожидаясь приглашения. – Мне нужно задать вам несколько вопросов по поводу ваших соседей. Только с глазу на глаз. Вы одна здесь проживаете?

– Вы насчет Матюшкиных? – с готовностью всплеснула хозяйка руками и поспешила захлопнуть дверь за незнакомцем. – Давно пора их прижучить! Все расскажу, товарищ милиционер. И как фильмы заграничные они крутят на видике своем, гостей полный дом собирают. Даже, говорят, деньги за просмотр берут. Рубль за фильм. А еще музыку заграничную включают, на весь дом слышно. Между прочим, запрещенную, – бабуля потрясла морщинистым крючковатым пальцем и, вдохновившись вниманием сотрудника, продолжила: – А вчерась к ним один тип приходил. Страсть, какой подозрительный. С портфелем и одет, вроде, прилично, ну вот прям как вы, считай, только рожа не ваша, такая, что сразу видно – либо шпион, либо вообще спекулянт.

– Пройдемте в комнату, – по-хозяйски предложил гость широким жестом. – Там все и расскажете подробно. А я запишу...

– Конечно, конечно, – старушка подчинилась и зашаркала по темному коридору с высоким потолком. – Ой! – прищуриваясь, прижала она руки к груди. – Я же вас знаю! Это вы?.. Не может быть...

– Я, – мужчина дернулся, но заставил себя улыбнуться и кивнуть, будто совсем не ожидал такого расклада.

– Как же я вас сразу не узнала? Да вы проходите, проходите! Сейчас я чай...

Но бабулька не договорила. Слепу она даже не заметила, как из недр плаща гостя появилось холодное оружие, как кинжал мелькнул в свете настенного бра, с которого свешивался проводок с выключателем-карандашиком, как хищно сверкнула сталь старинного клинка в смертельном ударе.

Взмах! Одним точным тычком мужчина уgomонил пенсионерку навсегда. Клинок с грустным всхлипом вошел в область сердца, пробив шаль, халат и скрипнув металлом по связкам и костям, пройдя за ребра. Вонзился до самого перекрестия у основания клинка. Вошел легко, словно это была не плоть человека, а подтаявшее масло.

– Хороший удар, – хмыкнул мужчина.

А старушка грустно выдохнула и мягко осела, как сброшенный тополем июньский пух. В ее стекленеющих глазах читались недоумение и обида – как же так? А я вам чаю хотела...

Убийца занес кинжал еще раз, но с трудом остановил руку. Нет. Нужен только один удар в сердце. Нельзя отходить от сценария, в котором он – вершитель человеческих судеб, а не просто какой-то мясник...

Мужчина прошелся по старинной, с пафосными потолочными арками квартире. Выпотрошил комод и трюмо. Разбросал небогатые побрякушки престарелой дамы по полу. Где-то даже мелькнул жемчуг в позеленевшей витиеватой оправе – остатки былой роскоши. Но он ничего не взял, ведь главное – создать антураж ограбления.

Подошел к массивному книжному шкафу, сторбившемуся под тяжестью собраний сочинений Пушкина, Достоевского и... Светлицкого...

Убийца усмехнулся, разглядывая зеленую корочку с золотым тиснением, взял томик местного писателя пальцами, туго утянутыми в перчатки из коричневой замши, чтобы не оставлять отпечатков. Раскрыл книгу, а на титульном листе размашисто-завитушечным почерком, полным пафоса, художественности и осознания писательской гениальности, начертано: «Завьяловой Агриппине Порьфирьевне с наилучшими пожеланиями от автора». Далее подпись мэтра и дата: июль 1986 г. Совсем недавно книжка подписана...

Убийца усмехнулся, то ли с презрением, то ли с восхищением, полумрак комнаты и надвинутая на глаза шляпа не давали достоверно разглядеть эмоции. Возможно, он скривился по поводу книги, ведь издания собрания своих сочинений Светлицкий добился еще при жизни. И классиком он не был. Пока не был...

Мужчина аккуратно поставил томик на место и продолжил наводить свой порядок. Раскидал из пузатого, на кривых ножках, потертого шифоньера пуховые подушки и прочие ненужности, про себя отметив – и зачем старухе столько подушек, одна ведь живет. Будто со времен приданного их берегла. Подушки белые, почти не использованные, но вот пух – слежался от времени и похрустывал.

Снова схватил кинжал, вспорол одну подушку для куража и разметал по квартире белые хлопья. Легло красиво. Несколько перышек прилипло к одежде. Мужчина нервно сбросил их с плаща. Поняв свою ошибку, быстро отошел в сторону, осматривая себя со всех сторон.

– Дьявол! – пробормотал он. – Это была плохая идея. Не хватало ещё захватить парочку с собой. Это же улики...

Он прошелся в спальню, раздвинув в проеме портьеры с кисточками, и нашел старое трюмо у изголовья кровати. Включил свет и осмотрел себя с головы до ног в зеркало. Вроде нет перышек на одежде. Все выловил... Фу-ух...

Но тут его взгляд скользнул в сторону окна. Он застыл, а по спине пробежал холодок.

На этом окне почему-то не было штор, и он стоял посреди хорошо освещенной комнаты, как пугало на огороде – издалека видно. Видно, старушка решила накануне постирать занавески.

Мужчина кинулся к стене и спешно выключил свет. В голове стучали беспокойные молоточки, а внутренний голос издевательски им вторил: «Как же ты так прокололся, засветил физией на весь двор».

– Нет там никого во дворе, – буркнул убийца, успокаивая сам себя. – И потом... Меня не так-то легко узнать в таком наряде.

Он еще глубже надвинул на глаза шляпу и поднял воротник плаща, будто прямо сейчас, в квартире, в темноте, его мог кто-то увидеть.

– Вот придут завтра за тобой товарищи из милиции, тогда и посмотрим, трудно было тебя узнать или нет... старая карга-то тебя сразу узнала...

– Не каркай, – шикнул убийца. – Она видела меня в упор. Этого невозможно было избежать, тем более, она никому ничего уже не скажет...

– Все равно, – не унимался гаденький голосок, скрипучий, как покосившиеся дворовые качели. – Такого не должно было быть. Ты специалист – никаких проколов, никаких улик. Будет обидно, если тебя возьмут по силуэту – или перышку на плаще.

Мужчина снова стал себя оглядывать:

– Не накручивай... Мало ли перьев. Может, голубиное.

– Ну да, ну да... – градус ехидства и сарказма в интонациях внутреннего собеседника подросток. – Таких пуховых уток прошлого века можно найти только в комодке гражданки Завьяловой, потомственной дворянки. Экспертиза сейчас все доказать может, сам знаешь, не мне тебе рассказывать.

Мужчина зло плюнул, а голосок торжествующе добавил:

– Ну вот! И еще одна улика! Ты же знаешь, что по слюне можно определить групповую принадлежность антигенов. Группу крови, то бишь...

Убийца нервно затер плевков подошвой ботинка, смешав его с невыскобленной грязью между волокнами потрескавшегося паркета и спешно вышел из злополучной квартиры.

Сегодняшнее убийство прошло не так гладко, как хотелось бы. Хотя, может, он себе надумал лишнего? Уж слишком тщательно он подходил к делу, все планировал. Но идеальных убийств не бывает. Хотя нет, бывает – в книжках и фильмах...

* * *

– Не поняла! – Света уперла руки в бока, уставившись из дверного проёма на гостиничный номер, в который мы заселялись. – А почему кровати отдельные? Андрюш?

– Сейчас разберемся, – заверил я. – Наверно, заселили, как коллег, мы же здесь в служебной командировке, и фамилии у нас с тобой разные в паспортах.

– Уже не пора ли на одну перейти? – наморщила носик Света.

– Я же говорю, щас разберемся, будет нам номер с одной большой кроватью.

– Я не про ложе, – фыркнула Света, – вообще-то, я про фамилию. И потом...

Но я уже почти ее не слышал, так как спешил к администратору, чтобы решить вопрос о смене номера. Надеюсь в этом занюханном Литейске нет проблем с номерами.

Город вроде не маленький, но и не сказать, что большой. Твердый середняк – примерно на пятьсот тыщ рыл советских граждан.

Не курорт, не здравница, так что приезжих нет, и количество жителей подсчитывается по прописке, а не по койко-местам.

Я спустился в фойе, за массивной и гладкой, как зеркало стойкой виднелась голова администратора. Вернее, виднелась книга в зеленой обложке с золотым тиснением, а голова разве что угадывалась за ней.

Работница погрузилась в чтение книги знаменитого писателя, автора детективов, который с недавних пор гремел на весь Союз и взлетел на поприще милицейского романа. «Светлицкий В. Х» – светились дорогим тиснением буквы на обложке.

Я хмыкнул... Ага, знакомый литератор, даже многосерийные телефильмы по нему снимали. Сериалами их тогда (то есть сейчас) еще не называли, хотя по сути первый многосерийник наши сняли еще в шестидесятых: «Вызываем огонь на себя». Ну, а «Следствие вели» – чем не сериал? Говорят, что некоторые его серии сняты по мотивам повестей этого самого Светлицкого... Кстати... Он же, вроде, из Литейска. Ну, да, точно, нас когда сюда отправили, Алексей сразу обратил на это наше внимание.

Из местных достопримечательностей были указаны трубопрокатный завод и писатель Светлицкий. Тогда я не обратил внимания на фамилию, и только сейчас вспомнил, когда увидел книжку, что это же тот самый горе-детективщик. Почему горе? Да потому что у него в книжках все как в кино. Вместо постановления на обыск – ордер, а поджарый следок бегаёт с пистолетом наперевес за бандитами, хотя должен сидеть в кабинете и строчить поручения, отправлять гоняться за преступниками оперативников.

Хотя чувствуется, что милицейскую кухню товарищ Светлицкий знает неплохо... Некоторые подробности по части улик передает очень подробно и достоверно. В некоторых местах книжечка даже похожа на пособие для начинающего преступника: этакое «Как не оставлять следов и планировать преступления». Видно, что консультант у писателя грамотный, хоть и не везде успевает подчищать за ним. И ляпы все же есть... Ну, это для меня ляпы, а для обычного советского читателя – это неоспоримая истина. В конечном счете, какая разница, ордер это или постановление? Для гражданского человека – ровно никакой.

– Еще раз здравствуйте, – оторвал я от чтения тётеньку с крашенными хной бигудюшными барашками и длинным, как у цапли носом. Она посмотрела на меня поверх очков, явно недовольная, что ее оторвали от такого замечательного времяпровождения.

Ну да... пока нет интернет-помойки, соцсетей и прочих тиктоко-ютубовой дряни – книга для советского человека единственный легкодоступный источник развлечения. Даже, чтобы посмотреть фильм, надо идти в кинотеатр или ждать вечера у телевизора, а лучше – субботы, там и фильмы поинтереснее показывали. Днем же фильмец глянуть почти нереально, программа телепередач пестрела лишь такими высококультурными заголовками: Играет духовой оркестр ДК им. В. Чкалова (Москва); Встреча школьников с бригадиром комсомольско-молодежной бригады шахтеров А. Л. Царевским – и прочими упоминаниями о Велогонках дружбы стран Балтийского моря. Все правильно... Днем работать люди должны, ну, или окультуриваться...

– Можно нас с супругой переселить в номер с двуспальной кроватью? – улыбнулся я.

– У вас в паспортах штампов нет, – буркнула тетя. – Не положено...

– А селить, значит, в один номер разнополых коллег положено?

– Будете зубоскалить, молодой человек, вообще вас расселю по разным номерам.

– Это вряд ли, – хмыкнул я и вытащил «туза из рукава», то есть, корочки свои верные. –

Майор милиции Петров. Дайте-как мне телефон вашего директора... И кстати... У вас там в коридоре огнетушитель просрочен.

– Ой, – подскочила тетя, тряхнув рыжими кудряшками. – Что же вы сразу не сказали, что из милиции? Я вот как раз про вас читаю... Сотрудник уголовного розыска идет по следу убийцы старушки.

– Очень интересно, – я поставил на стойку бочонок-брелок с прицепленным к нему ключом от номера. – Если можно, нам комнату с видом на сквер, а не на улицу. Тише будет.

– Конечно! – администратор суетливо выудила из ячейки ключ с номером «13» на деревянном брелоке. – Вот... Если вы не суеверный, то номер, самый лучший из данного сегмента, с балконом. Приятного вам отдыха...

– Спасибо, – я сгреб ключ.

Что мне эти цифры, ничего они в жизни нашей не решают.

– А Всеволода Харитоновича обязательно почитайте, – тетя с энтузиазмом помахала книжкой. – У нас в ресторане можно, между прочим, его книги под запись взять.

– Ага, почитаю.

– Я ведь благодаря его романам и прониклась сочувствием к работе наших органов. В фильмах все не так, наигранно, а Всеволод Харитонович ведь сам когда-то в милиции служил, поэтому и пишет не понаслышке. Жизненно, так сказать... Правдиво.

– Вот как? Светлицкий – работник милиции?

– Бывший, – закивала администратор, гордясь своими познаниями в биографии писателя. – Я к нему на встречу с читателями в дом литераторов ходила. Он там про себя рассказывал.

Женщина раскрыла книгу на титульном листе и посверкала именным автографом автора:

– Он мне там книжку и подписал.

– Коллега, значит, – хмыкнул я и зашагал по коридору. Похоже, я ошибался, не консультант у Светлицкого за всем приглядывает, получается, что сам может.

Может, мне тоже мемуарчики начать строгать? Глядишь, и госдачу, и спецпаек дадут. Что там еще писакам положено? Курорты в Болгарии и общественное признание. Не-е... Некогда такой ерундой заниматься. Нам очередного убийцу поймать надо. Да и Света уже, наверное, заждалась.

Я прибавил шаг.

– Андрей Григорьевич! – окликнул меня Горохов. – Нужно выезжать в управление. Вы заселились?

– В процессе, Никита Егорович. Небольшое недоразумение приключилось. Но я решил вопрос.

– Поторопитесь, дело важное... Нас уже ждут.

– Не понимаю, – пожал я плечами. – К чему такая срочность? Мне кажется, вообще зря нас сюда отправили. Не совсем наш профиль, так сказать. Это даже не маньяк.

– Не серийник, да, – согласился шеф и задумчиво поправил галстук. – Вот только шишка важная убита. Сам понимаешь, кем работал товарищ Парамонов. Указания получены с самого верху. Дело на контроле у генерального. От нас ждут оперативного реагирования, по горячим следам, так сказать. Думаю, за пару дней раскроем и вернемся.

Он даже хлопнул меня по плечу – мол, не всем делам быть закрученными, можем и на несложном поработать. А потом снова ка-а-а-ак...

– Угу, – кивнул я. – Тем более, город меня не впечатлил, надо побыстрее управиться – и в Москву.

Мы тогда еще не знали, как сильно ошибались.

Глава 2

Возле крыльца гостиницы нас уже ждали две черные «Волги» двадцать четверки – мечта любого советского гражданина. Самая презентабельная и комфортная машина из серийных автомобилей.

– А неплохо живет местная милиция, – присвистнул Федя, разглядывая угольный блеск полированных боков авто, в которых можно было даже в некоторых подробностях разглядеть свое отражение в полуденном солнце.

– Это не милицейские, – предположил я, разглядывая водителей, которые услужливо нам открыли двери, лишь только мы появились на крыльце гостиницы «Север». – Уж больно лица у них гражданские, службой не отягощенные, и возраст не служивый, наверняка внуков уже нянчат. Да и не носят наши коллеги-водители костюмов.

– Это машины горисполкома, – подтвердил мои догадки Горохов. – Едем на срочное совещание туда по нашему делу.

– Хм! – вмешался уже Катков, выкатив грудь колесом. – А с каких это пор исполком вмешивается в дела следствия?

– Формально я дело к производству еще не принял, – парировал Горохов. – А местных они контролируют, это факт. И потом... Там нам кое-что пояснить хотят по жертве.

– Жертва – их работник? – поинтересовалась Света, когда мы уже подходили к машинам.

– Нет, директор швейной фабрики...

– Обычный управленец средней руки, – пожал плечами Федя. – Не прокурор, не секретарь горкома, и стоило нас из-за этого дергать?

– Получается, что не совсем обычный, – заверил шеф. – Раз нас прислали... Ладно, по коням.

Я, Света и шеф уселись в переднюю машину, а Федя и Алексей во вторую.

Автомобили вырулили на широкий проспект. Я глянул на часы – 11.45. Скоро обед, однако нас ждут. Видно, слишком важная фигура убитый, раз чиновники решили пожертвовать своим обеденным перерывом ради совещания.

Судя по проплывающим мимо скверам, фонтанам и площадям, двигались мы к центру города.

Автоматы с газированной водой и кафе-стекляшки, мамочки с колясками и праздная молодежь в цветастых рубашках с патлами и с гитарами за спиной. Обычный советский город – не провинция, но и не Москва.

Здание горисполкома стояло на краю площади, посреди которой возвышался вездесущий Ленин на массивном гранитном постаменте. На макушке – белесый голубиный налет. Свежий, не успели почистить.

– Непорядок, – покачал головой Горохов.

Машины остановились прямо у крыльца. Один из водителей проводил нас внутрь. Холл здания поражал величием эпохи. Отделан мрамором самого тонкого распила. Хотя, на мой вкус, мраморная плитка смотрелась архаично, но для этого времени – вполне себе шик, пусть и не модерновый.

Посреди холла раскинули перистые опахала живые пальмы, вокруг которых сгрудились кресла, обитые бархатом. На полу – красные ковровые дорожки с золотистой каемкой. Они уходили вглубь просторных коридоров и на лестницу.

Мрамор есть, а вот лифта нет, так что мы поднялись пешком на третий этаж и уперлись в просторный «предбанник» с надписью «Приемная».

Там из-за стола с пишущей машинкой вспорхнула немолодая секретарша в блузоне с объемными плечами и рукавами летучей мыши. Несмотря на возраст, подскочила она к нам с проворством серны, видно, ее уже проинструктировали насчет нашего появления.

– Проходите, товарищи! – она быстренько возглавила нашу вереницу, собственноручно постучала в двойную дверь с табличкой: «Председатель горисполкома Монашкин Борис Борисович». Просунула туда свою голову. Что-то проговорила, после чего распахнула дверь пошире, пропуская нас вперед.

Мы очутились в огромном, как небольшой спортзал, кабинете, отделанном в лучших традициях чиновничьей обители советских времен.

Стены до высоты человеческого роста зашиты панелями из «ореха», витиеватый паркет застелен такими же ковровыми дорожками как в холле – с тяжелым ворсом из натуральной шерсти и насыщенным глубоким цветом пролетарской крови. С потолка свисают вычурные люстры, больше похожие на перевернутый ледовый замок, вдоль стены встроенные шкафы из импортной полировки, а посреди кабинета растянулся длинный широкий стол для совещаний, на котором можно запросто в настольный теннис играть, и еще место останется.

Присутствующие, завидев нас, приветственно встали из-за стола. Судя по форме, это был прокурор, начальник местной милиции, еще какой-то дядя в штатском с добрыми, но хитрыми глазками, либо завхоз (что вряд ли), либо конторский (скорее всего).

Во главе стола заседал человек далеко не богатырского сложения, с посеребрёнными висками на черноволосой в остальном голове, умным и подвижным лицом не совсем славянской внешности – было у него что-то казахское и цыганское одновременно, хотя, если сильно не приглядываться, то вполне мог сойти за чернявого русского.

Человек поспешил нам навстречу, размахивая руками в просторном, не по его худым плечам пиджаке. На тонкой шее галстук в бордовую косую полосу казался слишком широким и сошел бы за пижонский всего примерно полтора десятилетия назад.

– Монашкин Борис Борисович! – отрекомендовался хозяин кабинета, протягивая мне первому руку.

– Петров Андрей Григорьевич, – пожал я в ответ узкую, как плавник акулы, ладонь.

Товарищ Монашкин немного смутился, видно он ожидал, что я назовусь Гороховым. Но так вышло, что шеф немного отстал, подзапыхался при подъеме на третий этаж, а я невольно возглавил наше шествие, встав в авангард широкой грудью, вот он и принял меня за главного. Несмотря на молодость моей морды лица, выглядел я в свои двадцать шесть по партийному презентабельно. Сказывались, наверное, все-таки суммарно прожитые годы.

Борис Борисович мигом решил исправить ситуацию, спешно выдернул «плавник» из моей руки и с извиняющейся улыбкой протянул руку Каткову. Алексей не преминул пожать ее в ответ и представиться. Своими могучими, откормленными на семейных харчах телесами, он закрыл Горохова и снова ввел в заблуждение нашего встречающего.

Монашкин скрыл конфуз и в этот раз тряс руку Лехи дольше, чем мне, будто ему все равно, в каком порядке ручкаться с нашей делегацией, а потом во избежание подобных казусов протянул ладонь-плавник Свете, решив, видно, что уже поздно как-то восстанавливать порядок приветствий.

Света сверкнула улыбкой, как она умеет, стрельнула глазками по кабинету, мгновенно оценив обстановку. Мужики стояли позади Монашкина и пялились на нее, ждали отмашки от главного, когда им можно будет перекинуться приветственным словом со статной девушкой в кофейном костюме из приталенного жакета и юбки-карандаш чуть ниже колен, подчеркивающей линию бедер.

Про нас они будто на время забыли, когда Света явилась в центре кабинета, то все внимание перетянула на себя. Ее аристократически-интеллигентный вид сочетался с красотой модели, такие умные глаза для которых – редкость. А тут такое сочетание.

Горохов добрался до Монашкина последним, после крепкого рукопожатия Феди Борис Борисович уже уверовал, что жмет, наконец, руку главе делегации, и шеф не преминул его разочаровывать, произнес четко, негромко, но как приказ отдал:

– Руководитель межведомственной специальной следственной группы Горохов Никита Егорович.

Каждый раз, прибывая в новый город в очередную командировку, шеф произносил эту фразу с особым достоинством. С чувством и неспешно, ведь в этой фразе и была вся его жизнь. Его работа, хобби и прочие времяпровождения (впрочем, как и у всех нас) сплелись в одну емкую фразу – межведомственная спецгруппа.

Борис Борисович в свою очередь представил нам присутствующих, того, кто был по гражданке, назвал лишь по имени и отчеству.

Мы расселись вдоль стола, а Горохов занял место с торца, напротив хозяина кабинета.

– Итак, товарищи, – начал Борис Борисович, щуя черные узковатые глазки, – прошу ввести в курс дела уважаемых гостей. Дмитрий Ильич. – кивнул он на милиционера.

Персонаж с погонами полковника и пузом настоящего генерала прокашлялся в дутый кулак и начал вещать:

– Труп обнаружен вчера в квартире по месту жительства Парамонова Савелия Артуровича. С виду – суицид. Повешен на галстук на люстре. Телесных повреждений и других следов насилия нет. Проживает один, дети взрослые, супруга скончалась два года назад.

Вот те раз... я поморщился. Не хватало нам еще суицидами заниматься, это вообще участковая стезя – отказные по ним клепать.

– А почему решили, что это убийство? – опередил мой вопрос Горохов.

– Такое дело... – полковник поскреб залысину на макушке. – Табурет, что валялся под телом, коротковат, так сказать. Высота потолка три метра, не мог Парамонов повеситься, встав на него.

– Интересно... – Горохов, достал блокнот и погрыз кончик авторучки, а прокурор уже выкладывал перед ним фотоснимки с места происшествия.

Я тоже вытянул шею, вглядываясь в запечатлённый псевдосуицид.

– Ну, да, – кивал шеф. – Вижу, что в петлю он должен был бы буквально впрыгивать с табурета. Выходит, что ему помогли.

– Да, – полковник достал носовой платок и протёр им переносицу, жарковато ему в шерстяном кителе, хоть и окна распахнуты. – Кто-то, выходит, пытался инсценировать самоубийство. Причем не особенно умело...

Снимки с ОМП покочевали по кругу и дошли до Светы, та смотрела на них будто мельком, из любопытства, во всяком случае, присутствующие так посчитали. Что может увидеть красивая женщина-психолог в столь специфических фотографиях?

Но Психологиня в очередной раз всех удивила.

– Это не была неумелая инсценировка, – уверенно выдала она.

Чужаки уставились на нее с раскрытыми ртами, а мы лишь хмыкнули, мол, давай Светлана Валерьевна, покажи им...

– Если бы убийца действительно хотел выдать это за суицид, он поставил бы, например, под тело вот этот стол, – Света ткнула алым ноготком в фотку, показав ее присутствующим. – Стол стоит в стороне у окна, но немного сдвинут. Будто это намек, что его передвигали.

– Ну да, – закивал полковник, – на столешнице мы нашли следы ткани от носков Парамонова. Он с него повесился. Ну, или его повесили...

– Тогда зачем убийце было все усложнять, ставить стол на место и подставлять табурет? – задала Света вопрос, который интересовал всех. Вот только интонация у этого вопроса была почти риторическая.

– Зачем? – уставились присутствующие на нее.

– Затем, что если бы злоумышленник оставил стол, – Света по-учительски подняла изящный пальчик вверх, – то тогда это выглядело бы действительно как суицид, и дело бы не возбудили.

На пару секунд повисло молчание. Кто как, но лично я им наслаждался. Умеет Светка!

– Вы хотите сказать, что убийца намеренно выдал себя? – Борис Борисович округлил глазки и вытянул шею из широкого воротника голубой рубашки.

– Да...

– Но зачем?

– Затем, что он хочет привлечь к своей персоне определенное внимание. А суицид – это лишь некий сценарий в его планах. Постановка.

– Постановка чего? – недоуменно вмешался прокурор. – Для чего?

– Это нам и предстоит выяснить. Но ясно одно – он хочет поиграть с нами и оставил жирную нестыковку, чтобы мы не списали его заслуги на банальный суицид и все-таки попытались его поймать.

Я заметил краем глаза, что Дмитрий Ильич несколько помрачнел: видимо, замеченное несовпадение роста жертвы и табурета казалось ему поводом гордиться, а тут Светлана чуть ли не прямым текстом сказала, что его не заметил бы только школьник.

– Ну, не знаю... – скептически протянул прокурор. – У Савелия Артуровича были враги, они могли желать ему, ну если не смерти, то хотя бы разрушения его карьеры. Мне кажется, мы имеем дело с убийством на почве его профессиональной деятельности. А вы тут нам какого-то маньяка описываете. Играет он с нами, видите ли.

– У Светланы Валерьевны чуйка на этих самых маньяков, – авторитетно заявил Горохов. – Я с ней согласен... Не просто так стол на табуреточку поменяли... А что за профессиональные недруги у убитого? Расскажите, пожалуйста. Это тоже крайне важная, может стать, информация.

Прокурор пожал плечами, ища взглядом помощи у Монашкина. Председатель горисполкома подхватил слово:

– Понимаете... Савелий Артурович – личность у нас известная не только в областных масштабах. Мыслил он нестандартно, использовал свои идеи на производстве. Он директор Литейской швейной фабрики, которая до 1980 года ничем не отличалась от себе подобных. Гнала себе под видом детских пальто ужасные серо-черные хламиды, нервирующие своим видом всех окрестных собак. Гражданам приходилось покупать такую продукцию для своих отпрысков, так как у других фабрик изделия тоже не отличались изыском. Плановость, понимаете ли... Конвейер, запущенный еще со времен Хрущева, тяжело заменить. Но Савелий Артурович, надо отдать ему должное, бросил вызов бюрократической машине, уж очень ему хотелось, чтобы ребятишки, и его внуки в том числе, щеголяли в красивых и удобных пальто, а не в драповых мешках.

– Дельное желание, – закивал Горохов, желая, однако, чтобы чиновник поскорее переходил к делу.

– Так вот, на местном уровне такие вопросы, сами понимаете, не решаются, и у Парамонова возникло препятствие в лице доблестных представителей торговли. На ежегодных оптовых ярмарках товароведы определяли, какие модели предприятие должно шить в течение следующего года.

– Но если модель не пользуется спросом, – уточнил шеф, – ее же необходимо заменить. Так?

– Не все так просто там у них, – Монашкин ткнул пальцем в потолок. – Для внедрения новой модели и всех согласований требовались месяцы. Между тем, новая модель успевала за это время «постареть» и оседала на складах, превращаясь в неликвид. Замкнутый круг получался... Проще было гнать старую продукцию, все равно купят, зима, как говорится, близко.

И вот на очередной встрече в Москве с оптовиками товарищ Парамонов получил такое же указание от них, мол, вот вам наши модели, по ним и строчите. Из такой-то ткани, по таким-то лекалам. И ручку шариковую суют директору, чтобы договор подмахнул. Но Артурыч не лыком шит, фронтовик в прошлом. Отшвырнул ручку и возмущился, сколько можно хрень – простите – откровенную пошивать? Оттого и не покупают наши пальтишки должным образом, что отстаем от спроса.

Монашкин покивал, как бы соглашаясь с покойным Парамоновым и заодно переводя дух.

– Ну, ему там пригрозили арбитражом и прочими радостями, но Парамонов настоял на своем, мол, давайте отныне в договоре будем проставлять только количество изделий, а уже из каких тканей и какие модели шить, я сам буду решать. Тогда мы сможем легко перестраиваться в зависимости от покупательского спроса. Поспорили с ним товарищи из торговли, мол, что ты нам kota в мешке впывиваешь. Но Савелий Артурович настоял на выпуске этого самого kota из темницы, предложил им такую схему – ассортимент обновляться будет, а если он не пойдет, то оптовики могут всегда вернуть нераспроданные пальто на фабрику и взамен получить другие модели. Это их устроило, получается, что риски сняты, овцы целы.

– То есть, выходило, что директор вызывал огонь на себя, – подняла бровь Света.

Монашкин кивнул и продолжил:

– И вот договор был подписан, Парамонов вернулся домой и первым делом заключил свой договор с областным домом моделей, и в создании новых фасонов принимали участие уже местные модельеры. Цех выпускал пробную партию, если она раскупалась в наших магазинах, то партия шла на конвейер. Парамонов даже организовал отдел по изучению покупательского спроса. Установил в цехах новые полуавтоматические станки, спасибо Минлегпрому, помогли с финансированием. Полностью перестроил работу бригад, чтобы дать возможность каждой рядовой швее творчески участвовать в создании новых фасонов.

– И как успехи? – озвучил наш общий интерес Горохов, мы с любопытством уставились на Борис Борисыча, ждали развязки.

– Успех был ошеломительный, – потирал тот свои руки-плавники. – Если раньше фабрика с трудом выдавала десяток новых моделей за год, то теперь они исчислялись парой сотен. Если раньше на согласование и утрясание каждой модели уходило около двух лет, то теперь фабрика осваивала весь процесс в течение месяца. А покупатели с удивлением обнаруживали в магазинах новые симпатичные пальтишки, поначалу, знаете, так с недоверием вчитывались в ярлык Литейской швейной фабрики, думая, что их по ошибке перешли на импортную продукцию. Вот тут и полетели некоторые головы там, – Монашкин снова ткнул пальцем в потолок. – Минлегпром вздрогнул. Увидели наши руководители на этом примере ошибки конвейерного застарелого производства, и сменили ряд ключевых постов. Мол, если уж простой директор фабрики додумался поменять модельный ряд и повысить спрос, то для чего вы тут над всем надзираете?

– Вы думаете, что Парамонова убили из-за того, что он кому-то подпортил карьеру? – приподнял бровь Горохов.

– Не исключаю, – пожал узкими плечами Борис Борисович. – Многие зуб на него точили. Анонимки в Москву пачками поступали. И на бытовое это убийство отнюдь не похоже.

На столе Монашкина, едва он успел договорить, затрещал телефон, который стоял отдельно, на краю, и не имел диска на корпусе, только на входящую связь.

– Да, Лидочка, – проговорил он в трубку. – Да, сейчас дам трубку. Соединяй.

– Это вас, Дмитрий Ильич.

– Меня? – удивился полковник.

– Да, говорят, что срочно.

Милиционер встал, одергивая китель и вытаскивая живот из-под стола, и прошел к аппарату.

– Слушаю! – зычно, по-генеральски проговорил он в трубку.

Неизвестный на том конце провода что-то торопливо рапортовал. Выслушивая, полковник хмурился, тер лоб платком и раздувал щеки.

– Хорошо, скоро буду, – положил он трубку.

– Что случилось? – спросил Борис Борисович.

– Убийство у нас... И снова необычное. Завьялову Агриппину Порьфирьевну... Какую женщину сгубили.

– Да что вы?! Да, Агриппина Порьфирьевна личность в нашем городе тоже известная, – с сожалением вздохнул Монашкин. – Жаль ее... Как же такое произошло?

Глава 3

– По предварительным данным, причина смерти – ножевое ранение, – ответил полковник. – Но вот, что странно... Квартира, как мне докладывают, перевернута вверх дном, будто что-то искали у потерпевшей.

– Искали? – сощурился Монашкин, его лицо приняло сочувствующий вид. – У Агриппины Порфирьевны? У нашей примы? Что там могли такого искать? Она же давно на пенсии...

– Ума не приложу, – нахмурился Дмитрий Ильич Лосев, даже погоны его как-то скукожились. – Жила себе пенсионерка, никого не трогала. Много лет назад вернулась на Родину из Москвы после карьеры в балете.

– В балете? – переспросил Горохов.

– Ну, да, – закивал Монашкин. – Завьялова ведь в Большом театре выступала. Гордость нашего города, области, так сказать.

– Получается, что за короткий промежуток у вас в городе убили двух известных людей? – я задумчиво постучал пальцами по столешнице. – Совпадение? Не верю я в такие совпадения.

– Ну нет... Вы хотите сказать, что в городе орудует серийник? – наконец, промолвил слово человек в штатском.

– Это мы проверим, а пока хотелось бы взглянуть на место убийства этой самой примы.

– Не думаю, что эти два преступления как-то связаны, – неуверенно заявил полковник. – С убийством Завьяловой мы разберемся своими силами, а вас, товарищи, вызвали для оказания помощи в расследовании смерти директора Парамонова... То, что известие пришло при вас...

Но договорить Лосеву не дали.

– Это нам решать, связаны они или нет, – отрезал Горохов. Он даже привычно хотел хлопнуть кулаком по столу, но вовремя сдержался, вспомнив, что кабинет этот не его. – Но пока выводы скоропостижные делать рано, и все же Андрей Григорьевич прав, нужно все учесть... Я вас попрошу, Дмитрий Ильич, сразу взять с собой Андрея Григорьевича на место происшествия, пусть осмотрится. Можно как неофициальное лицо – в протокол его не вписывайте, окажет консультативную помощь местной следственной группе. Свежий взгляд со стороны вам не помешает.

– Я не против, – пожал плечами полковник, косясь на прокурора, – только у нас следователь прокуратуры там главный по делам, связанным с лишением жизни, сами знаете. С этим вопросом лучше к Тимофею Олеговичу.

Тимофей Олегович, сидевший в полностью застегнутой синей форме с петлицами старшего советника юстиции (по ментовским меркам – полковник) скептически поджал губы и попробовал возразить:

– Все-таки, товарищи, я склоняюсь к выводу о том, что убийства не связаны, и мы разберемся своими силами, при всем уважении к московским коллегам.

– Уважение – это хорошо, – хмыкнул Горохов. – Но у нас свое видение рабочего процесса. Андрей Григорьевич съездит и осмотрится. А дальше видно будет...

– Но... – попробовал возразить прокурор.

– Никаких «но», Арсений Олегович, – отрезал Горохов. – У нас предписание, можем выступить как надзирающий орган, оценить и задокументировать, так сказать, как на месте работает местная следственно-оперативная группа по тяжким преступлениям.

– Тимофей Олегович, – пробормотал и вяло улыбнулся прокурор.

– Что?

– Меня зовут Тимофей, не Арсений.

– А, да, конечно... Прощу прощения. Это не меняет сути дела... Вы меня поняли.

Видно было, что местные не особо возрадовались нашему желанию с корабля на бал вмешаться во все их дела разом. Оно и понятно, никому не хочется отдавать свои территории москвичам и менять сложившийся «процессуальный уклад».

Но все же что-то не давало мне покоя. Какое-то неясное чувство, будто я что-то забыл и не мог никак вспомнить. Ладно, разберемся.

А пока надо глянуть на место убийства бывшей балерины. Судя по всему, преступление будет иметь резонанс, ведь советский балет сейчас на высоте, являясь преемником традиций русского императорского балета, он – настоящая гордость страны, да и не только у нас, но и во всем мире признан уникальным достоянием культуры.

Вспомнилось вдруг дело Дицони, артиста Большого театра и протеже Галины Брежневой. Вот ведь. Везет мне на артистов...

* * *

Я вошел в квартиру Завьяловой вместе с начальником милиции и прокурором. Последний тоже изъявил желание лично проконтролировать следственные мероприятия на месте происшествия. Так что компания получалась уже не малочисленная.

Там уже работала дежурная СОГ во главе со следователем прокуратуры. Хорошеньким таким следователем в форме «летчицы» возраста чуть за двадцать пять или около того.

Черные глазки, умное личико и тщательно убранные в хвост волосы напомнили мне Галю... Ту самую следачку из прокуратуры Новоульяновска, которая пошла по кривой дорожке. Жаль, что мне пришлось ее выводить на чистую воду, специалист она была перво-классный.

– Тимофей Олегович! – вытаращила следачка глаза с изогнутыми ресницами на вошедшего прокурора. – Мы тут осмотр делаем...

– Работай, Варя, – снисходительно кивнул ей начальник. – Мы осмотримся. Следы обуви ведь проверили? Можно уже заходить?

– Да, конечно, – прощепетала девушка. – Эксперт все проверил, но паркет старый, затертый, и щели вон какие. Четкого рисунка не удалось найти, так, фрагменты отпечатков ботинок мужских, даже размер обуви не удалось примерно определить. А это вы кого привели? – озорно скосила на меня глаза девчуля. – Если что, то понятых мы уже нашли...

– Это товарищ из Москвы, по делу Парамонова прибыл нам помощь оказывать. Андрей Григорьевич Петров, майор милиции.

– Тот самый Петров? – вдохновенно прошептала чуть ли не на ухо своему шефу девушка, но я все равно услышал ее вопрос.

Прокурор многозначительно кивнул, а девушка украдкой скользнула по мне восхищенным взглядом. Этот взгляд, неожиданно для нее, встретился с моим, и прокурорская поспешила отвести глаза в сторону, еле заметно покраснев.

Но она тут же взяла себя в руки и проговорила голосом хоть и тонким, но решительным, обращаясь как бы ко мне и как бы в общее пространство:

– Я попрошу, пожалуйста, порядок вещей не нарушать, руками ничего не трогать, мы ищем улики и следы, еще не все отработали.

– Это самой собой, – улыбаясь, хмыкнул я, не сводя с пигалицы прямого взгляда. – Я осмотрю труп, если вы не против.

– Там еще работает судмедэксперт и... – попробовала возразить она, но я ее уже не слушал, потопал в комнату, откуда виднелся странный беспорядок: раскиданные вещи вперемешку с... пухом и перьями.

Хм... Тут что, гуся ощипали? Ага, вот теперь вижу, что валяется вспоротая подушка. Ясно... С чего же было так мусорить? В подушке бриллианты были зашиты? Не исключено. У знаменитой балерины могли быть состоятельные поклонники в свое время.

– Скажите, Варя, что-нибудь пропало? – осведомился я у семяющей за мной девушки.

– Трудно сказать, – хлопала та глазками, стискивая в руках кожаный портфельчик с наложенным поверх, как на планшет, бланком протокола осмотра, а потом выдала, как по заученному: – Завьялова Агриппина Порфирьевна, 1913 года рождения, проживала одна. Родственников в городе нет, опрос соседей ничего не дал, никто не знает, что могло бы пропасть. Вот...

В комнате, больше напоминавшей хоромы прошлого века (если бы не потертость дубовой мебели и потускневшая обивка, то вполне могла сойти за обиталище какого-нибудь купца или даже князя, будто мы все во времени перенеслись), царил беспорядок. Под ногами хрустнула какая-то брошь, я ее и не заметил под перьями.

У входа лежит труп на спине, возле него возится судмед. Рядом копошится в раскиданных предметах криминалист, обмакивая кисточку в баночку с дактилоскопическим черным порошком и марая все подряд аккуратными творческими мазками.

Судмед, несмотря на почтенный возраст и седую докторскую бородку, оказался гибок в коленях и других местах. Не чураясь, ползал на корточках вокруг тела, ощупывая его на предмет скрытых повреждений.

– Причина смерти, я думаю, ясна, – я кивнул на раневой канал на груди жертвы.

Там был виден след от ручейка крови, растекшийся уже потемневшей лужицей на паркет возле тела.

Судмед оглянулся на меня и сразу, приняв за своего, поделился своими соображениями:

– Колото-резаное повреждение грудной клетки слева, между вторым и третьим ребром.

Судя по вертикальным потекам крови на одежде, удар был нанесен, когда потерпевшая стояла.

– Правша или левша нанес удар? – уточнил я.

– Трудно сказать, при детальном исследовании уже в секционной попробую смоделировать траекторию нанесения удара.

Я присел на корточки рядом, возле краешка лужи крови, и всматривался в раневой канал щелевидной формы. Станный он на вид – оба конца острые, обычно со стороны обушкового края клинка повреждения имеют П-образную форму.

– Чем же так нанесен удар? – хмурясь, уточнил я.

– А вот это самое интересное, – сказал судмед, довольно легко поднявшись на ноги. – Видите? Две режущие кромки у клинка.

– Кинжал, получается? – поскреб я подбородок.

– Да... Два лезвия, не как у ножа. Ну или заточка особая, хотя у заточек ширина рабочей части чаще всего бывает гораздо меньше. Больше все-таки кинжал напоминает.

– Уже что-то, – одобрительно закивал я. – Не у каждого гражданина есть кинжал или кортик. Нужно проверить всех, у кого есть подобное наградное холодное оружие.

– Сделаем, – приняв указание на свой счет, за моей спиной отозвался начальник милиции. Они с прокурором стояли чуть поодаль, предоставив мне право первого слова. Может, из тактичности, а скорее всего, боялись ударить в грязь лицом, ведь при осмотре тела и обстановки все ждали бы от них прямо здесь и сейчас выдвижения авторитетных следственных версий произошедшего. Присутствие московского гостя же их явно немного смущало.

Я прошелся по комнате, аккуратно лавируя между раскиданными вещами, чтобы ничего не задеть. Мое внимание привлек огромный книжный шкаф открытого типа – просто полочки, без дверец. Он был доверху забит книгами.

Я внимательно осмотрел корешки трудов классиков, когда мое внимание привлекла знакомая обложка зеленого цвета. Где-то я ее уже видел... Вчитался в буквы с отблеском: «Светлицкий Всеволод Харитонович».

О! Точно! Вспомнил! Такую книжку читала администратор в гостинице «Север».

И странное дело... Я внимательно осмотрел книги. Благородная библиотечная пыль осела на полке, повторяя контуры книг, но вот возле одного зеленого томика пылевой след стерт. Будто кто-то совсем недавно брал эту книгу.

Я вытащил носовой платок и через него взял пальцами том, вытащил его через вверх, полистал.

– Кто-нибудь брал эту книгу? – обратился я к присутствующим.

– Нет, мы не трогали, – отозвались Варя и криминалист.

– Однако ее совсем недавно брали, – хмыкнул я.

– Ну и что? – пожал плечами прокурор, он, наконец, решил вставить свое веское слово. – Может, хозяйка сама и брала.

– Возможно, – я задумчиво пролистал обратно до титульника, там значился автограф автора и пожелание этой самой хозяйке, ныне убитой.

И тут в голове стрельнула мысль... Я вспомнил, как администратор в гостинице выдала, когда я показал ей свои корочки: «Что же вы сразу не сказали, что из милиции? Я вот как раз про вас читаю... Сотрудник уголовного розыска идет по следу убийцы старушки».

Интересно старушки пляшут, по четыре сразу в ряд... Любопытное совпадение. Буквально вчера мне рассказали про убийство дамы почтенного возраста в романе, и что сотрудник сыска идет по следу, и вот я здесь, на таком же преступлении. Учитывая, что в совпадения я не верю, как можно объяснить такое? Ну, не администраторшу же подозревать, в конце концов?

– Книги нужно изъять, – я указал на собрание сочинений местного писателя.

– Зачем? – недоумевала Варя.

– На всякий пожарный, потом исключите из вещдоков, если что, – я протянул томик криминалисту. – Обработай, дружище, на пальчики.

Тот замялся и смотрел то на Варю, то на прокурора, то на начальника милиции, будто ждал от них отмашки, но те молчали.

– Смелее, – я положил трофей на стол, возле распахнутого кримчехомодана.

– Ну, там надо в цианокрилатовой камере, – мялся эксперт. – Это же бумага, порошок вряд ли возьмет качественно.

– Качество тут не нужно, – уверенно заявил я. – Преступление явно подготовленное, уверен, что преступник в перчатках был. Не стесняйся, мажь книжечку.

Прокурор кивнул, и эксперт, вздохнув, обмакнул кисть в магнитный порошок. Налипшим ежиком провел по обложке, но сетчатая текстура материала не давала ясной картины, частицы порошка ложились, повторяя контуры микрорельефа обложки, тут и цианокрилат не помог бы.

– Здесь помажь, – ткнул я пальцем туда, где был автограф.

Эксперт провел магнитной кистью – и вычертил контуры пальцев, они проявились из ниоткуда, словно призрак темным силуэтом. Что и требовалось доказать.

– Видны следы захвата, – воодушевился эксперт. – Папиллярных линий нет, – он уже рассматривал через лупу выявленные следы. – Трикотажной вязки тоже не видно, структуры мерей нет, странные перчатки. Не ткань и не кожа, получается...

– Замшевые, например, – предположил я.

– Ага, – радостно закивал криминалист. – Ворс отобразился. Ну точно, замшевые! Как вы догадались?..

– Теперь вы понимаете, для чего нужно изъять книги? – я обвел взглядом присутствующих. – Не думаю, что потерпевшая трогала книгу свою в перчатках, это же не редкость музейная. Да и размер пальчиков не ее.

Варя закивала, прокурор поджал губы, а эксперт, еще больше воодушевившись, мазал уже следующий, соседний томик.

– Вряд ли там есть подобные следы, – скептически заметил я. – Судя по пылевому следу, брали только этот экземпляр. Но изыдем все книжечки из собрания. Мне, однако, интересно содержание текста... Заберу у вас под сохранную расписку эти опусы, ознакомлюсь с романами. Чую, здесь есть некая связь с убийством.

– Связь? – всплеснул руками прокурор. – Какая? Там написано, кто убийца?

– Это было бы слишком легко, – хмыкнул я. – Но посмотрим...

Книги Варя внесла в протокол осмотра, упаковали их в коробку, все, как и полагается, с подписями понятых и других участников процесса.

Сделали еще дубликаты бирок, чтобы потом переклеить можно было, после моего вмешательства в целостность упаковки. Ну просто как в учебнике, только расписку с меня брать не стали. Так поверили, что верну вещдоки.

Затарившись чтивом, я поехал в гостиницу «Север». Меня отвез туда по указанию полковника Лосева один из «бобиков», что дежурил у крыльца дома.

В холле гостиницы меня встретила та самая администраторша, что не хотела поначалу менять мне номер.

– Андрей Григорьевич! – воскликнула она.

Надо же, запомнила мое имя, хотя я не представлялся, вроде. Впрочем, она знает обо мне всё – она видела мой паспорт.

– Вы взяли книги Всеволода Харитоновича в ресторане? Помните, что вам посоветовала? Я прочитала, могу свою вам предложить.

– Спасибо, я полное собрание его урвал, – я поставил на стойку свою ношу, сорвал бирку и раскрыл коробку на глазах у изумленной женщины.

– А почему же они опечатаны? – пролепетала она.

Теперь на коробку она смотрела хмуро, но со странным любопытством. Как будто подозревала, что книги специально так оформили, для антуража. Ну уж нет, до такого никакие книготорговцы не додумаются – особенно в части того, чтобы оставлять на страницах черные пятна.

– Издержки профессии, – хмыкнул я. – Так в какой книге, вы говорили, милиционер идет по следу убийцы старушки? – я выгреб книги на стойку.

– Не милиционер, а полицейский. Так вот в этой! – уверенно заявила женщина, выудив из стопки одну из книг. – Вам понравится.

– Спасибо, не сомневаюсь, – я сложил книги обратно в коробку, а эту положил сверху, чтобы не затерялась. И уже зашагал по коридору в сторону лестницы, но потом остановился и, обернувшись, спросил: – Скажите, э...

– Елена Петровна, – вежливо подсказала администратор.

– Скажите, Елена Петровна, а в книгах Светлицкого всегда убивают?

– Ну, конечно, это же детектив, как без этого...

Она, улыбаясь, развела руками, все ещё не вполне понимая, что за странная ситуация развёртывается у нее перед глазами.

– А в его романах не убивали случайно директора швейной фабрики?

– Что?

– Ну или другого руководящего работника социалистической промышленности.

– Нет, что вы! Всеволод Харитонович пишет о девятнадцатом веке. Вот почитаете и все узнаете...

– Ясно, спасибо... Жаль...

Я вошел в пустую комнату. Света и остальные, очевидно, обживались в Управлении, знакомились с материалами дела Парамонова.

Ну, а я переоделся в футболку с олимпийским мишкой и трико, умылся и завалился на кровать с томиком Светлицкого. Давненько я не читал книг, да чтобы с какими-нибудь приключениями, тайнами и интригами. Приятно шелестят страницы... Пахнуло застарелой типографской краской от незатейливого черного шрифта.

Раскрыл на первой главе. Первый абзац гласил: «Тишина глубокой ночи укутала город туманом безмятежности. Но безмятежность эта казалась ложной и тревожной, будто кто-то не спал и задумал страшное...»

Я пролистал еще несколько страниц, нашел сцену, где сыщик прибыл на место убийство старушки Калиновской. Описано грамотно, с точки зрения криминалистики, возможно, автор и действительно работал в органах. Дошел до того места, где он описывал предполагаемое орудие убийства, и вздрогнул. Реплика персонажа (доктора, привлеченного осмотреть тело Калиновской) гласила:

- Удар в сердце, господи! Обоюдоострым клинком!
- Обоюдоострым? – переспросил полисмэн.
- Да, сударь, предположительно, кинжалом...

Глава 4

Я лихорадочно вчитывался в черные строки книги еще и еще. Нет, мне ни хрена не показалось! Старушку Калиновскую убили ударом в сердце кинжалом. Одним точным ударом, прямо в квартире, где она проживала. Только адрес происшествия, естественно, отличался от адреса убитой Завьяловой. Оно и понятно, в романе Светлицкого всё-таки фигурировал вымышленный город девятнадцатого века.

А теперь мне оставалось выяснить, кто же этот «дворецкий», что пришел престарелую актрису театра (если говорить о персонаже). Там актриса, а у нас – балерина. Для меня, так почти одно и то же.

Я с головой окунулся в чтение, торопясь узнать развязку. Пробовал читать роман с конца, но ничего не понял. Литература оказалась не для беглого чтения. Автор все выстроил, так чтобы читатель смаковал каждую страницу, порой отвлекался на пространные описания и какие-то боковые, не имеющие никакого значения для сюжета сюжетные линии. Классик же, блин, почти, хоть и будущий, ему можно...

Поэтому пришлось последовательно продираться сквозь высокий слог мэтра, через длинные высокопарные диалоги, многоуровневые описания и вычурную конструкцию пустых, на мой обывательский взгляд, сцен. Ну точно классик, так его раз так. Кто же там «дворецкий»? Кто?..

Но развязка меня немного разочаровала. Убийцей оказался... кучер.

Вот незадача... А здесь, в этом времени, кого искать? Таксиста? Я захлопнул книгу и покачал головой. Ну чего я хотел? Эх! Не стоило возлагать надежды на выдуманный сюжет, хотя начиналось все красиво – и там, и там старушка. Обе примы и обе убиты кинжалом.

Но блин! Не бывает таких совпадений... Думай, Андрюша, думай... Как так вышло, что злоумышленник пришел Завьялову таким же способом, а потом еще, что интересно, полапал томик Светлицкого? Ну не хозяйка же, в конце концов, схватилась за книжку в перчатках. И размер-то не ее пальчиков. Чертовщина какая-то...

Я стал пролистывать остальные книги. Не знаю, что я там хотел найти, но интуиция подсказывала, что есть еще что-то в текстах.

Так-с... Убийство молодой парочки в парке, убийство старого купца в трактире, убийство целой рыбацкой артели... Хорошо хоть, порой вот эта суть прямо в аннотации упоминается. Все это не то, как говорится, пальто... А я искал именно пальто. Вернее, жертву, хоть как-то связанную с пошивом одежды, как покойный Парамонов Савелий Артурович – директор литейской швейной фабрики.

Перелопатив с добрый десяток томов и уже теряя интерес к книгам, я вдруг наткнулся на рассказ. Не повесть, не роман, а какая-то куца зарисовка с размытым началом. Хотел ее пролистнуть, сочтя сию писанину недостойным внимания сыщика, но что-то меня удержало.

Я стойчески протер глаза, включил настольную лампу (уже вечерело), подвинув книгу поближе под бордовый абажур, и вперился усталым взглядом запойного читателя в строчки. Пробежал пару страниц и обомлел.

Вот оно! Рассказ был о том, как обнаружили труп знаменитого портного, обшивавшего князей и прочих богатых щеголей Петербурга. Но самое интересное, что там все было обставлено, как суицид. Нет следов борьбы, портной болтается в петле в квартире на улице Жуковского, а лаковые сапожки его не достают до табурета. Все буквально как в деле Парамонова. Будто повесился, запрыгнув в петлю.

Твою мать! Ну это уже точно прямая отсылка книги к убийству. Или убийства к книге. Хех! Не обмануло меня предчувствие.

Это что получается? Что у товарища Светлицкого есть некий поклонник, или своего рода подражатель, который моделирует убийства из его великого творчества, воплощая их в реале?

Я вскочил с места. На хрена? Он художник, он так видит? Или это мания? Психическое расстройство? Тогда, возможно, есть еще убийства, на которые мы не обратили изначально внимания, и которые прошли по сводке, прикинувшись обычной бытовухой, например. А на самом деле – все они связаны между собой. Надо будет изучить сводку и снова перелопатить эти книжки. Хотя книжки лучше перепоручить Алексею. Он у нас любитель почитать...

С этими мыслями я снова сел. Выходит, что в городе орудует серийный убийца... Хотя два убийства – это пока для серии маловато. Но ведь я еще глубже и не копал пока.

Из коридора послышался знакомый цокот каблучков. Дверь распахнулась, и на пороге появилась Света.

– О! Ты дома! – она хотела разуться, но замерла на полпути, с приподнятой ножкой, и с удивлением на меня уставилась. – Андрюш, ты что? Книги читаешь? Прямо студент. А я думала, ты работаешь...

– Ага, читаю, – кивнул я, с трудом заставив себя оторваться от рассказа, хотелось все-таки узнать, кто же убил этого злосчастного портного.

– Что читаешь? Не помню, чтобы ты увлекался художественной литературой.

Света, наконец, скинула туфли, скользнула на цыпочках ко мне, делая вид, будто не хотела мне мешать, а потом вдруг набросилась на меня и повалила на кровать, на которой я сидел в обнимку с книгами, будто меня кто колдовством сюда приковал.

– Ну оторвись уже от этой макулатуры! – в ее глазах сверкнули бесенята. – Я соскучилась! Что ты там читаешь такого интересного?

Она взяла одну из книг и раскрыла.

– Вот это да. Детектив? Ты серьезно?

– Да это по работе, – отмахнулся я, поглаживая девушку по бедрам, что прижали меня к матрацу.

– По работе? – состряпала губки бантиком Света. – Вот это?..

– Чуть позже расскажу, – улыбнулся я и, поборов наездницу, поменялся с ней местами.

Света отшвырнула книгу и встретила мой поцелуй. На пол с кровати полетела наша одежда, и подушки, и книги Светлицкого.

Спустя полчаса Света вышла из ванной, а я уже снова пялился в зеленый томик.

– Ты мне расскажешь, что там такого нашел? – обернутая широким полотенцем, она выглядела очень соблазнительно, мне вдруг захотелось снова скинуть с кровати Светлицкого, но я сдержался, нужно было срочно рассказать о результатах своих изысканий Свете – и Горохову.

– Портного убил трактирщик, – задумчиво пробормотал я. – Тот ему задолжал. Не то, что бы не мог долг отдать, просто рассорился с ним и замылил деньги.

– Чего? – нахмурила изящные брови Света, вышагивая по комнате в мою сторону и сверкая бронзой обнаженных ножек.

– Короче... Я сейчас все тебе объясню.

Света слушала молча, с интересом, по мере моего рассказа брови ее поднимались всё выше, а взгляд становился всё задумчивее.

– А ты не думал, что этот самый писатель сам всех убил? – спросила она, когда я закончил пересказывать всё прочитанное и надуманное.

– Конечно, думал... – почесал я в затылке. – Но зачем ему это? Что за блажь?

– Ну не знаю... Может, он таким образом вдохновляется? Музу подстёгивает?

– Подожди, но тут тогда последовательность другая должна быть – убил, а потом роман по мотивам написал. А здесь будто кто-то дублирует его криминальные выдуманные истории, претворяя их в жизнь. Так?

Света кивнула, но как будто бы нехотя.

– Ну, я все равно бы не исключала из подозреваемых Светлицкого. Он, кстати, уже не так популярен, как был буквально еще пару лет назад.

– Ты что, знакома с его творчеством? – удивился я.

– Да у нас авторов детективов, по которым фильмы снимали, раз-два и обчелся. Он был одним из них, а теперь кино, насколько я знаю, по его книгам уже не снимают, говорят, он ударился в рассказы, мол, собирается с силами перед большой прозой, строгаёт рассказы и размышляет над грандиозным романом. Три года уже думает и не выдает новинки.

– Ну, три года для написания бессмертной классики – не срок, – хмыкнул я. – Но да, ты права, он так растеряет популярность и аудиторию, если будет и дальше выдавливать из себя шедевр по чайной ложке или вовсе топтаться на месте.

– Вот и я говорю! – Света скинула полотенце и стала одеваться, и от этого я снова на миг забыл о работе. – Поэтому, мне кажется, у Светлицкого и есть мотив. Привлечь к своей персоне в так называемое «межсезонье» внимание.

– Какой мотив?.. – на автомате переспросил я, наслаждаясь зрелищем обнаженного тела своей девушки.

– Как какой? Ты меня не слушаешь? Когда все это всплывет, разразится огромный общественный резонанс. Люди узнают, что между убийствами и романами Светлицкого есть параллель, все тут же кинутся покупать и читать его книжки. Даже те, кто не любит детективы.

На последних словах она игриво ухмыльнулась.

– В таком случае, – я задумчиво потер переносицу, – можно подозревать и издателя, например. Автор станет популярнее, издательству спустят новый госплан, тиражи взлетят, и дополнительные допечатки озолотят его.

– Да, но редактор и издатель сидят на зарплате, – улыбнулась Света. – Ну, может, премии получают за успешные тиражи, не более. Все-таки тщеславие автора кажется мне более правдоподобной версией.

– Убедила... – я встал и оделся. – Пойду к Горохову, поделюсь своими соображениями.

– Ну не-ет, – жеманно протянула Света. – А до завтра это не подождет? – нахмурила она бровки. – Давай вечер сегодня проведем спокойно. Все-таки пятница...

– Да я скоро, – заверил я. – Доложу – и мигом назад. Не могу в себе держать...

– Ладно, – вздохнула Света и улеглась на кровать, раскрыв одну из зеленых книжек.

Но назад вернуться быстро не получилось...

Я постучался в люкс – шеф умудрился за стандартные командировочные заселиться в шикарный по советским меркам номер. Думаю, что не без помощи местных властей.

– Да, да... – откликнулся за закрытой дверью Горохов.

Я вошел в двухкомнатный номер с золотистыми обоями, мягкой мебелью и зеленым ковром.

– Андрей Григорьевич! – воскликнул Горохов, крутясь, как дама у зеркала в своем выходном костюме в элегантную бежевую полоску. – Заходи, я как раз за тобой собирался заскочить.

– За мной? – признать, подумал, что нас выдернули на очередное происшествие, но судя по запаху парфюма на весь номер, довольному лицу шефа и его одеянию, мероприятие нам предстояло отнюдь не рабочее.

– Да! – улыбался Горохов, старательно прилизывая сверкающую в свете бронзового торшера лысинку, – я Светлане Валерьевне не стал говорить, сам понимаешь, на такие мероприятия без дам ходят. Мы там люди новые будем.

– Какие мероприятия? – недоумевал я.

– Тут такое дело, Андрей Григорьевич, нас пригласили на день рождения директора овощебазы.

– Хм... у меня тут по работе к вам новые соображения. Очень интересные.

– Это все потом, Андрей, собирайся. Монашкин прислал за нами исполкомовскую машину. Уже у крыльца стоит.

– А мне обязательно? Я работу на дом взял, – хотел все-таки рассказать про книжки Светлицкого.

– Это тоже по работе. Там собирается вся городская элита. Руководители предприятий, партработники высшего звена и прочие директора рыбных и обувных магазинов. Это же тот самый круг, который нам надо прощупать изнутри, так сказать. Ты же слышал, какие там предположения. Парамонова убрали не просто так, он их поля ягода. С ними делишки имел. Уверен, что мы там накопаем кое-что полезного. Проведем, так сказать, оперативные мероприятия в непринуждённой праздничной обстановке.

Я уперся руками в тумбочку трельяжа.

– А в качестве кого мы туда приглашены? – меня не отпускал скептицизм, все-таки теперь у меня был конкретный подозреваемый, и совсем не директор рыбторга.

А что самое хорошее – вряд ли за ним нужно бегать по сомнительным банкетам да фуршетам.

– В обычном качестве, – пожал плечами Горохов. – В ресторане все равны. Всё... Пять минут на сборы, жду тебя в машине. Как тебе мой костюмчик, кстати? Я не сильно в нем толстым кажусь?

– Самое то, – заверил я.

Горохов, собираясь на банкет в ресторан и надевая этот самый костюм, каждый раз задавал мне этот вопрос, а потом благополучно забывал про это. А ведь еще пару лет назад я его чуть не за маковку с грядок вытаскивал! Вот такое вот второе дыхание открылось в моём начальстве.

– Отлично, – просиял шеф. – А потом добавил: – Что ты там про работу на дом говорил? Я не понял.

Обрадовавшись, что меня всё-таки услышали, я начал было рассказывать:

– Писатель Светлицкий, оказывается, здесь в Литейске проживает. Так вот, в его книгах...

– Светлицкий? – перебил шеф. – Так он будет сегодня на банкете. Монашкин назвал его в числе гостей, мол, гордость нашего города и области, автограф вам даст.

– Хм... А вот это уже интересно...

– Ну так и я про то же. Ты же помнишь, какой фильм отличный сняли по его роману? «Тени не исчезают...» Я там до самого последнего момента не мог понять, кто же все-таки убийца. Так что готовься к встрече в мэтроем.

– Это я всегда готов, – потирал я руки.

И не стал признаваться, что ни про каких теней я фильмов не смотрел.

* * *

Ресторан «Юбилейный» встретил нас с Гороховым улыбочивым швейцаром на входе, который с деланным сожалением сообщил, что сегодня заведение закрыто на спецобслуживание.

Горохов только открыл рот, чтобы выдать тираду нравоучений нерасторопному служаке, мол, разуйте глаза, товарищ, мы и есть то самое спецобслуживание, как на крыльце неизвестно откуда появился председатель горисполкома Монашкин.

Его юркое тельце в кремовом костюме выросло у двери ресторана.

– Ну, ты чего, Тимофей, – покачал он головой на швейцара, – я же предупреждал тебя, что придут наши дорогие гости.

– Виноват, Борис Борисович, – швейцар картинно прижал к груди руки. – Не признал, видать, не местные гости-то?

– Для нас они как свои, – подмигнул Монашкин и деликатно втолкнул нас внутрь холла. – Вы не обижайтесь на Тимошку... Ему велено только своих пропускать.

– А что, всех своих он знает в лицо? – спросил я.

– Ну, городок у нас, не сказать, что прям огромный, пять сотен тыщ населения по переписи, сами понимаете, что в определенных кругах лица одни и те же практически. У нас не Москва, у нас не принято с места на место прыгать, если уж поставили тебя директором обувного, то будь добр, отработай как положено, до самого заслуженного отдыха на вверенном тебе месте.

– Это хорошо, что текучки нет, – хмыкнул я. – Честные у вас руководители... Или это ОБХСС плохо работает...

– Конечно, честные, – закивал Монашкин, ничуть не обидевшись на мою колкость, – а начальника ОБХСС местного здесь тоже встретите. И прокурор здесь, но о делах потом. Проходите...

Миновав холл с гардеробной, мы вошли в просторный зал. Высокий потолок подпирали колонны, отделанные модной когда-то мозаикой. Столы накрыты белоснежными скатертями, вокруг них снует двойная смена официантов довольно солидного и опытного возраста. Белые рубашки, черные брюки и черные бабочки. Вкупе с безупречными стрижками выглядели они несколько аристократично.

Зал освещался мягким светом настенных бра в хрустальных колпаках и двумя массивными люстрами, больше напоминавшими средневековые и немного выбивавшимися из советского антуража фикусов у стен и панно из цветных стекляшек в виде звезд, факелов и прочей партийной атрибутики.

Зал неполный – судя по всему, сильные города сего держались тесной компашкой, чужаков к себе не допускали, и когда мы вошли, присутствующие с нескрываемым любопытством на нас уставились.

Монашкин хотел было нас во всеуслышание представить, но Горохов его вовремя тормознул, шепнул, что он не привык к громким заявлениям насчет своей персоны, и хотел бы просочиться скромно.

Правильно, пусть гости не напрягаются, так легче наладить контакт с ними будет. За хмельным разговором уже потом можно прикинуться, например, работником райкома или технологом ликёро-водочного завода. Интересно, есть в Литейске таковой?

Я выискивал глазами Светлицкого – запомнил его по фото на форзаце книг. Но не находил его среди многочисленных посетителей, вальяжно развалившихся за столами. В основной массе это были лысеющие дядечки в разнокалиберных (клетчатых и однотонных, цвета прелой соломы) пиджаках, дородные дамы в пестрящих узорами платьях с юбками до пола. У кого была талия (а таких в зале, к моему сожалению, оказалось крайне немного), те перетягивали платья широкими модными поясами из кожи советского снусмумрика или просто из ткани.

– Присаживайтесь сюда, пожалуйста, – сопровождающий нас официант с седыми плечами усом Бульбы отточенным изящным жестом указал на столик у стены.

Чуть в отдалении. Отличное место, чтобы вести наблюдение.

– Еще раз здравствуйте, Андрей Григорьевич, – послышался за спиной знакомый девичий голос.

Я обернулся и не сразу узнал... Варю. Бирюзовое платье с оголенными плечами и длинным силуэтом ее преобразили. Смуглая кожа выгодно оттенялась воздушной тканью. Я даже невольно рост раскрыл. Смотрелась Варя, как настоящая модель с обложки, только ростом поменьше, но туфли на высоком каблуке скрадывали и это – стоя она была почти наравне с мной.

– О, и вы здесь... – удивился я и еле удержался, чтобы не поцеловать ей руку, как-то подействовал на меня весь этот бально-аристократический антураж советского пошиба. Но не принято у нас целовать ручки работникам прокуратуры. Вместо этого я пожал ей тонкую ладонь и повернулся к Горохову:

– Познакомьтесь, Никита Егорович, это... Варвара... Э-э...

– Варвара Андреевна Соловейчик, – улыбнулась и сверкнула зубками-жемчужинками смуглянка.

– Да, – кивнул я. – Следователь городской прокуратуры.

– Старший следователь, – кокетливо уточнила девушка, а в моих глазах она выросла еще на пару пунктиков...

Глава 5

А Горохов не стал сдерживаться. Крякнув, по-гусарски поправил усы, которых у него и не было, и галантно поцеловал руку Варя. Как только изогнуться по-молодецки так смог, с его-то проблемами со спиной?

– А вы тоже пришли поздравить Анжелу Павловну? – улыбалась Варя.

– Кого? – не понял я.

– Ну, именинницу, – уточнила девушка. – Надеюсь, вы же на юбилей заглянули, а не по работе?

– Мы всегда на работе, – гордо заявил Горохов любуясь на стройный стан девушки. – Но сегодня пришли на день рождения.

– Ясно, тогда еще увидимся, – Варя скользнула напоследок по мне мимолетным взглядом, улыбнулась и упорхнула, а мы уселись за обозначенный нам столик, за которым уже расположилась пожилая парочка: «бесцветный» мужчина в огромных очках, похожий на бухгалтера или сотрудника НИИ, и его спутница-супруга с увядшим лицом и морщинистой шеей, на которой красовалось кольцо из дивно прозрачных камешков. Если это настоящие бриллианты из Якутии, то стоит оно явно целое состояние.

Мы обменялись дежурными любезностями, но я даже не запомнил, как их зовут, да и незачем мне было. Все мое внимание привлекло действо в центре зала. Там под живую музыку местного ВИА отплясывала городская элита. Где же ты, товарищ Светлицкий, почему не танцуешь? Может, за столиком сидит и выпивает? Надо бы прогуляться по залу и осмотреться.

Тем временем официант выгрузил на наш столик жульен из дичи, цыпленка табака, какие-то хитрые салаты, совсем не похожие на привычные оливье и «шубу», тут проглядывалось мясо крабов, не из сои и сурими, конечно, а настоящих, с Дальнего Востока. Затем стол дополнили гренки с икрой, осетрина и незнакомые мне закуски в фарфоровых пиалочках.

А неплохой день рождения. Ресторан на уровне, сразу видно, что спецзаказ. Хотя в советских ресторанах все эти яства (ну в другие дни угощение-то попроще, конечно, было) стоили не так уж и дорого, каждый мог позволить себе отужинать в любом уважаемом ресторане, цены на элитную закуску не задирали, а держались за счет наценки на алкоголь. Из последнего на стол как раз принесли грузинское вино и армянский коньяк.

Никита Егорович на правах старшего наполнил бокалы, отобрав эту почетную обязанность у дежурившего возле столика официанта. Чета «бухгалтеров» скромно отнекалась, какие-то некомпанейско-непьющие люди оказались с нами, будто лишние на этом празднике жизни. И лишь дорогущее кольцо на шее дамы говорило о том, что они все же здесь «свои».

Борис Борисович взобрался на приступок небольшой сцены и отнял у вокалиста микрофон, когда тот закончил про «Шаланды полные кефали...». Вообще, ВИА была под стать заведению – полный комплект лабухов: патлатый вокалист с усиками д'Артаньяна, ударник, соло, ритм и бас. Ну и, конечно, ионика. В СССР плясать под магнитофон или проигрыватель дисков – считалось развлечением для прыщавых восьмиклассников, где-нибудь на хате без «предков». Поэтому на танцах и в ресторанах – музыка была исключительно «живая».

– Итак, друзья! – воскликнул в микрофон самоназначенный тамада в лице председателя исполкома. – Давайте наполним бокалы за здоровье нашей многоуважаемой Анжелы Павловны Коровиной! Ведь от ее неусыпного труда зависит наличие в магазинах нашего города свежих овощей и фруктов. Уважаемая Анжела! – Монашкин повернулся к одному из столиков, где восседала женщина в белом, как у невесты, платье, только годов она была постарше девических. – Пятьдесят лет – это не возраст для женщины и руководителя! Жизнь только начинается! Желаем тебе на вверенном фронте быть первой, всегда успешной, но при этом

не забывать старых друзей! Ура, товарищи! С юбилеем нашего дорогого директора Литейской овощебазы!

– За такую женщину мужчинам положено пить стоя! – вскочив со стопкой в руке, призывно крикнул какой-то дядя с раскрасневшимся лицом и ослабленным чуть не до самого пупа галстуком, который норовил макнуться в салат.

Заскрежетали отодвигаемые стулья, мужская часть гостей охотно оторвала солидные сиделища. Мы с Гороховым и бухгалтером тоже, конечно, встали, вытянув руки с налитым коньяком. Наш «собутельник» взялся за стакан с морсом.

Дзинь, дзинь! – колокольчиковым перезвоном звенели тут и там рюмки и бокалы.

Мужчины тянули и расселись по местам, запихивая в рот хрустящую капустку, огурчики и бутерброды с икрой.

Дорвавшись до микрофона, вновь заголосил патлатый, размахивая в такт музыке лапами сверкающего от нашитых блесток пиджака. Репертуар у него был самый что ни на есть ресторанный: «Поспели вишни в саду у дяди Вани» и прочие «Глаза напротив».

Народ оживленно болтал, кто-то отплясывал, кто-то стоял и курил прямо в помещении, кучкуясь чуть в сторонке и обсуждая городские и партийные дела.

Тосты и выпивка лились рекой, официанты еле поспевали подносить «снаряды». Гулять советская элита умела, этого у нее не отнять, это у нее в крови.

А потом традиционно объявили белый танец. Явление, я считаю, чисто советское, хотя есть версии, что пришел он к нам из Вены, но мне ближе версия про отечественное изобретение, когда после войны на танцах критически не хватало мужчин, а целомудренные девушки не решались подойти и пригласить первыми этих пятерых парней, что затесались на танцплощадку. Такое название помогало их подбодрить.

– Андрей Григорьевич! – откуда-то сбоку подпорхнула Варя. – Я вас приглашаю.

Она тянула изящную руку, встав чуть поодаль от моего столика – жест ненавязчивый и в то же время недвусмысленный.

– С удовольствием, – кивнул я, наспех вытерев губы салфеткой.

Горохов хитро побряхтел мне вслед, что-то пробормотал, улыбаясь. Я не расслышал, но можно было догадаться – мол, Светлане Валерьевне не скажем.

За две свои жизни перетаптываться на месте в паре с дамой я научился довольно сносно. Даже на ноги не наступал и вести мог. Тут главное отличие от современных медляков, что не стоит впечатываться в женскую грудь своей. Все-таки немного пионерского расстояния должно присутствовать между партнерами.

Но Варя цепко взялась за мою ладонь и сама прижалась ко мне, напрочь выдавив пионерские правила из пространства. Пахло от нее сладковатыми духами, чем-то воздушным и молодым.

– Как у вас продвигаются дела с расследованием смерти Парамонова? – игриво, будто о погоде, спросила она.

– Работаем, – уклончиво улыбнулся я.

– Мне кажется, не там ищите, – прошептала Варя мне на ухо, слишком близко прислонившись. Я почувствовал, как ее губы коснулись мочки.

– Вот как? Почему? – я отогнал интересные мысли насчет ее губ и сосредоточился на думках о работе, деле и Свете.

– Савелия Артуровича в нашем городе любили и уважали, – продолжала мне нашептывать Варя. – Все недоброжелатели у него там, в Москве были, а тут его фабрика – на хорошем счету.

– Однако убили его в Литейске, а не в Москве, – скептически заметил я.

Варя, кажется, хотела придвинуться еще сильнее, но было уже особенно и некуда.

– Говорят, что, возможно, его смерть связана с неудобным положением, в которое он поставил чиновников министерства своим передовым мышлением.

– Кто говорит? – прищурился я, заодно отодвигаясь.

– Никто конкретно, – Варя пожала плечами, – слухи...

– Мы же с вами, Варвара Андреевна, люди процессуальные, так сказать, работающие с фактами, а не с домыслами... Так что будем пока отталкиваться от того, что замешан кто-то из местных. Кстати... А следователей прокуратуры всегда приглашают на подобные мероприятия? Или это вас шеф обязал? – я хитро кивнул на курящего в сторонке прокурора, который стоял в обнимку с двумя пузанами с номенклатурными мордами и что-то горячо обсуждал с ними, улыбаясь и периодически хлопая собеседников по плечам.

– Я здесь не как работник прокуратуры, – прищурилась Варя, нисколько не смутившись. – У меня папа приглашен. Он часто берет меня с собой, говорит, что хороших людей надо знать в лицо и общаться с ними.

– Вот как! Так вы из этих?

Еле сдержался, чтобы не добавить ещё и свои мысли по поводу получения в таком молодом возрасте должности старшего следователя прокуратуры.

– Из кого из этих?

– Ну, из хороших людей... – многозначительно, но без подкола хмыкнул я, смягчив свои слова улыбкой.

– Я обычный юрист.

– Юрист в петлицах прокуратуры, это уже необычный, – подмигнул я.

– Ну, папа всегда хотел, чтобы я занималась серьезным делом.

– А вы – не хотели?

– А мне все эти убийства и изнасилования вот где сидят! – наморщила носик девушка. – Я вообще биологию любила. И животных...

Она вздохнула, изобразив грусть, будто желала, чтобы я ее пожалел. Лукавит, наверное, дева, связи там или не связи, а ведь пристроена-то весьма неплохо, насколько можно пока увидеть.

– И кем же работает ваш папа? – любопытствовал я. – Он, выходит, тоже здесь, если вы с ним?

Варя аккуратно покачала головой, не нарушая танца.

– Еще не пришел, задерживается, но скоро будет. А хотите, я вас с ним познакомлю?

Вот блин... Только знакомства с родителями мне не хватало. Как бы так намекнуть, что я несвободен? Надо жениться уже что ли. Чтобы колечко на пальце носить.

– Ну, не знаю... я здесь человек временный, скорее всего, в первый и последний раз на таком мероприятии в вашем городе.

– Да вам самому будет интересно! – горячо заверяла меня Варя. – Он тоже в милиции работал, а сейчас – настоящая знаменитость.

– Бывший работник МВД? Свой человек, – одобрительно закивал я. – Что ж... Познакомьте.

Медляк уже кончился, и мы сами не заметили, когда. Просто стояли посреди зала и разговаривали.

– А вот и папа! – воскликнула Варя, махнув тонкой рукой в сторону входа.

Оттуда появился седоватый, но крепкий мужчина в вельветовом кофейном пиджаке, шейном платке на французский манер, а вместо брюк – в модных джинсах.

Прямой подбородок и нос, умные цепкие глаза, как у Шерлока. Все так, как и на форзаце его книг.

Я сразу узнал писателя Светлицкого.

– Ваш отец – писатель? – не стал скрывать я своего удивления.

– Ну, да... – гордо закивала Варя, с удовлетворением смотря, как при появлении ее отца, присутствующие заметно оживились. Прокурор, председатель исполкома и прочие важные лица оторвали задницы от стульев и бросились ручкаться с вновь прибывшим гостем.

– А... Фамилии почему же разные? Вы замужем?

– Нет, – выдохнула Варя с каким-то радостным подтекстом. – Папа поменял фамилию для писательства. Соловейчик – как-то не аристократически звучит.

Я только хмыкнул. Никак не получалось подавить странное ощущение, будто меня обманули.

– Ну, у нас пролетарская литература, – зачем-то принялся я возражать, – для советских людей. Мне кажется, нормальная фамилия для писателя.

– Папа так не считает, говорит, что это все временно... а потом снова корни возьмут свое.

– Что временно? СССР?

– Ой! – Варя прикрыла рукой рот. – Что-то я наболтала не того, не обращайтесь внимания, я когда выпью шампанского, всякую чушь нести могу.

– Ничего, – снисходительно улыбнулся я. – Шампанское – оно такое, да...

– Пойдемте, я лучше вас и правда познакомлю! – Варя явно хотела произвести на меня впечатление еще и своим отцом.

– Давай уже на ты, – предложил я. – Нам еще работать вместе. Надеюсь, папа будет не против.

– Конечно, давай, – Варя потянула меня за руку к кучке людей, обступивших литературного мэтра.

Кто-то из присутствующих уже прискакал с книжкой Светлицкого и попросил ее подписать. Всеволод Харитонович широким жестом извлек серебряную авторучку из нагрудного кармана и умело, прямо чуть ли не на ходу начертил автограф и пожелание на врученной ему книге.

– Папа, привет! – Варя подтащила меня к литератору. – Познакомься, это твой коллега из Москвы, Петров Андрей Григорьевич.

Глаза Светлицкого, как мне показалось, недобро сверкнули, но тут же выражение рубленого, как у прожженного милиционера, лица, приобрело вид благожелательный и радушный. Совсем он не похож на писателя – на опера или бандита, скорее. Писатели, в моем представлении – люди рыхлые душой и телом, ранимые и утонченные, вечно продирающиеся сквозь муки творчества, депрессии и прочие прокрастинации к самовыражению через буквы и запятые. А этот стоит павлином, пышет статью, будто престарелый гладиатор вышел на свой коронный последний бой.

Раздумывая над всем этим, я и на приветствие отреагировал не сразу.

– Петров? – литератор протянул мне твердую, как доска, ладонь. – Тот самый Петров?

– Наверное, – кивнул я и пожал руку, ладонь будто на секунду сдавили тиски. – Смотря, что вы имеете в виду...

– Ну, не скромничайте, молодой человек. Это же вы – специалист по серийным убийцам, про вас в «Щит и меч» постоянно статьи выходят.

– Ну, не только про меня, я же не один работаю. У нас команда.

– Да, но для читателя нужен один герой. Одна харизма, вы понимаете? Вот вы как раз подходите.

– Для чего подхожу?

– Как для чего? – махнул руками Светлицкий. – Для романа...

– В каком смысле? – поскреб я затылок.

– Я писатель.

По его лицу скользнула тень неудовольствия.

– Да, конечно, я в курсе... – поспешил я ответить. – Недавно прочитал ваш рассказ «Повешенный».

– Вот как? Не думал, что из действующих работников доблестной милиции меня кто-то читает. У меня, скорее, чтиво на обывателя.

– А теперь вы скромничаете, Всеволод Харитонович, – лукаво улыбнулся я. – И читают, и фильм все смотрели по вашей книге – «Тени не исчезают».

Лицо писателя расправилось и, насколько можно было уследить в полумраке, даже порозовело немного.

– Признаться, очень рад... Так вот, я хотел бы написать роман, современный детектив, и взять для прототипа главного героя вашу персону. Как вы на это смотрите?

– Польщен, Всеволод Харитонович, романов с меня еще никто не писал.

Я покачал головой – мол, даже не знаю, но и отказать не смею.

– Нам надо будет с вами встретиться тет-а-тет и все детально обсудить. Мне нужен материал для книги из первоисточника, так сказать...

К нам подскочил какой-то прыщавый хлыщ и, извиняясь, утащил Варю танцевать. Судя по всему, это был ее знакомый. Девушка нехотя подчинилась, с грустью напоследок глянув на меня. Они исчезли в толпе танцующих, а мы с писателем отошли в сторонку и продолжили беседу.

– Какими вы судьбами в нашем забытом богом городе? – поинтересовался Светлицкий. – Не поверю, что в отпуск. У нас не курорт, хотя достопримечательности тоже имеются. Одни старинные дома чего стоят.

– По работе, – кивнул я.

– Неужели у нас в Литейске маньяк объявился? – писатель впился в меня пытливым взглядом серых, как графит глаз.

– Нет, – поспешил разуверить я собеседника, – мы работаем по одному эпизоду. Случается, что не только маньяками занимаемся.

– Дайте угадаю... – Светлицкий картинно наморщил лоб, изобразив муки размышлений. – Вы расследуете убийство Парамонова. Так?

– Вы очень проницательны, – всплеснул я руками, будто на самом деле удивился. – Как вы догадались?

– Ну, это несложно... В нашем городке это самое громкое преступление за последнее время. Хотя там, вроде как, суицид усматривался.

– Разберемся... – хмыкнул я, не собираясь вдаваться в детали. – Так что насчет современного детектива? Когда встретимся обговорить детали?

Такой повод прощупать Светлицкого казался мне подарком судьбы, хотя про роман он, может, для красного словца загнул. Если у него рыльце в пушку, то писатель, возможно, тоже собирался меня прощупать, придумав хорошую причину – сбор материала для книги. Хотя по нашим похождениям межведомственной группы впору уже не только книги писать, а фильмы снимать. Но в СССР сейчас в чести литература не столько развлекательная, сколько идейно-превозмогательная, поэтому так популярны Дюма и Джек Лондон, что утоляли жажду читателей по простым приключенческим книжкам. Это уже потом хлынет море книжных боевиков на рынок девяностых – про ментов, шпионов и суперагентов всех мастей.

– Только у меня к вам просьба... – Светлицкий взял меня под локоток и прищурился, смотря прямо в глаза. От такого взгляда было не очень приятно, но я глаз не отвел. – Не пудрите мозги моей дочери, хорошо?

– Не собирался, – холодно ответил я.

– Я же вижу, как моя девочка на вас смотрит.

– А что в этом плохого? – будто не понимая, спросил я.

– У вас стрелки на брюках безупречные, – кивнул вниз Светлицкий, – рубашка выглажена до блеска.

– И?

– Вы или женаты, или приехали сюда со своей пассией... Обычно командировочные не утруждают себя такой безупречной глажкой.

– Я здесь с коллегами, – прищурился я. – И люблю аккуратность.

Наш разговор прервал Монашкин. Вклинился в тесный круг, положив своих худые руки нам плечи:

– Товарищи! Ну что же вы стоите? Пойдемте уже за стол! Выпьем, там и поговорим. Кстати? А где Ангела Павловна? Вы не видели? Наша юбиляр куда-то пропала...

– Убили! – вдруг истерично завопила какая-то женщина в конце зала. – Именинницу убили!

Глава 6

Я, признаться, подумал, что это чей-то розыгрыш, вроде украденной невесты, но народ гурьбой повалил на балкон. А потом так же стихийно в страхе отхлынул назад. Женщины охали, мужчины их поддерживали под руки, на лицах гостей отпечатался ужас. Я поспешил в эпицентр событий, бросив писателя с его предупреждениями. Растолкав локтями посетителей, выбрался на широкий балкон с балюстрадой изогнутых столбиков, поддерживающих массивные перила, и витыми колоннами, выполненными в лучших традициях барокко. На мраморном полу лежало распростертое тело Коровиной. Разметав пышное белое платье, она неестественно откинула голову. Глаза закрыты, под затылком краснела растекающаяся лужица крови. Кто-то уже ползал возле потерпевшей, ошупывая горло. Как выяснилось, это был местный литейский главврач. – Анжела Павловна мертва, – растерянно пробормотал он, глядя на свои окровавленные руки. – Повреждена затылочная кость. – Спокойно, товарищи! – подоспел Горохов. – Никому не покидать заведение. Мы должны всех опросить. Шеф с ходу включился в работу, даже чуть заплетающийся от выпитых рюмочек язык ему не помешал. – Вы с ума сошли! – прошипел Борис Борисович, повиснув на руке следователя, будто Моська. – Это же уважаемые люди города! – У нас убийство, – холодно проговорил шеф. – И убийца, Борис Борисович, может находиться среди этих самых уважаемых людей. Председатель исполкома не отступал:– Пусть идут домой, а потом, кого надо, вызовем. Вы представляете, какой скандал разразится, если всех задержим? – Перед законом все равны, – Горохов освободил руку от «Моськи». Я отловил одного из бестолково бегавших официантов и отправил его звонить в «02», чтобы зафиксировать происшествие через дежурку. К нам подошел прокурор и встал на сторону Монашкина. – Никита Егорович, – пробормотал он, пряча глаза. – Мы сами разберемся. Поверьте, отработаем все по полной. Но Борис Борисович прав – гостей надо отпустить по домам. – Никого не выпускать, – Горохов был непреклонен, и казалось, сам готов был встать на выходе, закрыв ее широкой грудью. – Хочу вам заметить, что это не ваша подследственность, – прокурор, наконец, осмелился поднять глаза на Горохова. – Осмотр будет проводить мой дежурный следователь, а оперативно-розыскными мероприятиями займется местная милиция. Отдыхайте, Никита Егорович, просим прощения за этот вопиющий инцидент, но я вас попрошу покинуть место происшествия... – А вы ничего не перепутали, Тимофей Олегович?! – гневно сверкнул глазами шеф, даже лысинка его зловеще блеснула. – Я представитель генеральной прокуратуры! И проконтролирую на месте, как вы отработываете место особо тяжкого преступления! И Горохов не соврал, функции проверяющих на нас действительно могли быть возложены. Но и местные не сдавались. – Ну, о преступлении говорить еще рановато, – прокурор на всякий случай сделал шаг назад. – Возможно, это просто несчастный случай... – Чего?! – Иван Федорович! – окликнул главврача прокурор. – Скажите, пожалуйста, могло ли повреждение затылочной кости образоваться от падения с высоты собственного роста? – Э-э... – развел тот пухлыми ручками. – Я не судебный медик, я только лечить, но тут... Хм, теоретически, конечно, можно так упасть и расшибиться. Да... – он посмотрел на пол балкона, явно лихорадочно соображая. – Тут еще и скользко, кто-то пролил шампанское или вино. – Вот! – поднял указательный палец Тимофей Олегович, – Возможно, наша юбиляр немного перебрала, поскользнулась, упала и крайне неудачно приложилась затылком о мрамор. До заключения судебно-медицинской экспертизы пока рано говорить о возбуждении дела... Случай, конечно, крайне скверный, но не стоит усугублять ситуацию. Поверьте, Никита Егорович, мы отработаем все по букве закона. Тем более, что Анжела Павловна – не чужой нам человек, мы все заинтересованы в объективной оценке произошедшего... – И все же я останусь и посмотрю, как вы работаете, – уже смягчившись, кивнул Горохов. Я тем временем подошел к шефу, отвел его в сторонку и зашептал:– Никита Егорович, у меня тут есть некоторые сооб-

ражения насчет подозреваемого, не успел вам рассказать. Нам лучше пока не выдавать своих намерений, а сделать вид, что мы ретировались. Если мои догадки подтвердятся, то и это дело скоро себе заберем. – Как это? – вытаращился на меня шеф. Еще бы – после убийства, а вернее, обнаружения тела не прошло еще и нескольких минут, а у меня уже версии имеются. Впрочем, если бы Горохов выслушал меня сразу внимательно, сейчас не был бы настолько удивлен. – Тут прослеживается серия убийств неких уважаемых людей Литейска. Пармонов был первым, потом балерина Завьялова, а теперь вот директор овощебазы. – Но что у них общего? – недоуменно всплеснул руками Горохов. – Кроме того, что это непростые люди – ничего... Не вижу связи, Андрей Григорьевич. – А вот и нет... Есть общий знаменатель. Поедемте в гостиницу, я вам кое-что покажу. – Что? Я не стал темнить и ответил:– Книги местного писателя, там описываются похожие убийства. – Как – описываются? Прямо в книге? С подробностями? И сегодняшнее тоже? – Насчет сегодняшнего пока не знаю... Вот и посмотрим, действительно ли это несчастный случай, или товарищ Светлицкий описал ещё и смерть дамы на балконе в своих детективных произведениях. У меня все его собрание сочинений имеется. – Светлицкий? – Горохов нахмурился, хмель с него как рукой сняло, он как старый охотничий пес, взял стойку, почуяв дичь. – Тот самый писатель, про которого я говорил? У которого сегодня все автографы брали, и с которым ты сам, между прочим, о чем-то долго разговаривал? – Он самый... – Надеюсь, ты ничего про свои догадки ему не сказал? Я сдержал раздражение – на трезвую голову Никита Егорович меня за дурачка не считал. – Конечно, нет... Надо сначала все проверить. Мы договорились с ним о встрече, вернее, почти договорились, но, – я кивнул в сторону балкона, – нас прервали. Он про меня книгу хочет написать, якобы. – Книгу? – Горохов еще больше протрезвел. – Про тебя? – Ну, да... Детектив. По мотивам деятельности нашей межведомственной группы. – А я там тоже буду фигурировать? – Да какая разница, Никита Егорович, главное – есть повод с ним встретиться и прощупать, не вызывая подозрений. – Для меня есть разница, Андрей Григорьевич, – приосанился следователь, – может, этот писатель совсем не при делах, мы его обидим, и книжку он про нас плохую напишет. Или вообще меня там не будет...***Прибыв в гостиницу, мы завалились в люкс к Горохову, обложившись книгами Светлицкого. Я их мышью притаранил из своего номера. Чтобы не разбудить Свету, крался, как вор. Листали, щура глаза и борясь со сном. Но ничего дельного – похожего на смерть королевы овощей сюжета нам не попадалось. Остальных будить не стали, думали справиться своими силами, но Никита Егорович вдруг выбыл из боя, сладко захрапел в кресле с томиком в руках. Я не стал будить шефа, все-таки возраст, алкоголь и недавний перелет сказались на его организме. Пусть отдохнет. У меня у самого глаза уже в кучу. И буквы сливались в сплошную черную нить строк. Ладно... утро вечера мудренее, а ночью и трава серее. Чем что-то пропустить, лучше отправиться на боковую. Я накрыл шефа пледом, взял из его рук раскрытую на середине книгу, хотел положить на журнальный столик, но глаз зацепился за абзац, в котором кто-то прокричал: «Убили! Анастасию Павловну убили!» На слово «убили» у меня прямо сработал зрительный рефлекс, сразу бросилась в глаза эта фраза из множества других на странице. Сегодня почти точно так же кричали, когда обнаружили тело Коровиной. Сон как рукой сняло. Я стал вчитываться в строки, мигом погрузившись в отрывок сюжета. Там, в романе, на балконе особняка обнаружили мертвую помещицу с проломленной головой. Аж кулаки зачесались, а на «загровке» шерсть встала дыбом. Вот оно! Нашел! Никита Егорович чуть-чуть не дочитал до нужного места, уснул. Ну, Светлицкий, ну чертяка! Кто же ты на самом деле? Писатель или серийный убийца? Безжалостный преступник или просто случайный вдохновитель некоего маньяка, что решил творчество мэтра воплотить в кровавую череду убийств? И подставить его... или это все тонкий расчет, быть может? Я потряс Горохова за плечо, тот что-то пробурчал, попробовал перевернуться на другой бок, но в кресле это не вышло. Чуть не сполз с него на пол, открыл глаза и недоуменно уставился на меня:– Я, кажется, немного задремал, Андрей, – он с удивлением разглядывал плед, которым был укрыт. – Это ничего, –

улыбался я. – Я нашел описание нашего сегодняшнего убийства. Вот, смотрите. Роман называется «Записка с того света». – Там что, убили директора овощебазы в ресторане? – оживился Горохов, откидывая плед. – Нет... Но все очень похоже. Сейчас, надо прочитать, кто же там убийцей окажется. Хотя прошлые сюжеты мне ничего не дали. Но все равно интересно. И мы принялись с шефом среди ночи читать роман Светлицкого.***– Вы куда, гражданин? – из окошка «аквариума» дежурной части высунулся лейтенант с красной повязкой дежурного на рукаве. – На работу! – недовольно дыхнул на него перегаром шеф, сверкнув корочками. – Лосев у себя? – Нет его, – покорно осел дежурный. – Сегодня же суббота... – Черт знает что! – ворчал Горохов (настроение у него было скверное, сказывалось похмелье). – В городе убийства нераскрытые, а начальник милиции спокойно отдыхает. Суббота, видите ли. Мы прошли внутрь здания управления всей своей командой. Приходить сегодня на работу мы вообще не планировали, но после вчерашних событий Горохов решил, что потрудиться надо и в выходной день. Лосев еще вчера выделил нам кабинет начальника штаба. Тот скоропостижно ушел на пенсию, и на его место пока никого не назначили. Неплохой кабинет, только хлама в виде всяких папок, бумаг и прочей макулатуры много. Видно, что бывший штабист сам принимал непосредственное участие в разработке всяких служебных бумажек, раз накопил у себя столько номенклатуры. Пока Горохов обживался за новым столом, я ввел наших в курс дела, показав им сцены убийств, описанные в захваченных мною трех книжках Светлицкого. – Ни фига себе! – выслушав мой «доклад», воскликнул Федя. – Приехали по одному делу, а тут сразу целый букет нарисовался! Брать надо этого писаку! Погодин хлопнул кулаком по ладони, будто муху раздавил. – Ты, Федор, придержи коней... – поморщился шеф, потирая виски и ища глазами графин с водой. Графин был, вот только вода в нем высохла. – У нас против него никаких улик. И потом... В нашем производстве только дело Парамонова. Остальные расследует местная прокуратура. Факт серийности еще доказать надо... – Да что тут доказывать? – кипятился Федя. – Вон, в книжках черным по белому выведены все три наших эпизода. Не верю я в такие совпадения! Последнюю фразу он произнес с той же интонацией, с какой часто делал это я. – Ну, они пока не наши, а с Коровиной вообще не ясно, может, и правда несчастный случай, упала и расшиблась, хотя маловероятно... Чтобы вот так на свой юбилей глупо погибнуть. Так это или нет, но пока действовать будем без лишнего шума... Местных в курс дела не вводить, писателя тоже пока трогать не будем напрямую. Надо проверить, где вот эти три книжки продаются, есть ли вообще они в свободной продаже. – Вряд ли, – авторитетно заявил Катков, листая один из томиков. – Издательство московское, до глубинки не дойдет много экземпляров. Давно уже раскупили, скорее всего. Сами знаете, что хорошие детективы у нас нарасхват. – Значит, надо проверить библиотеки. Просмотреть всех, кто брал на абонементе или в читальном зале эти книги. Выявить среди них лиц ранее судимых, склонных к совершению тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья. – Ого, – присвистнул Федя. – Это весь город проверять... – А ты как хотел, Погодин? – шеф подхватил железный электрический чайник с тумбочки и прямо из горлышка выхлебал половину, после чего довольно крякнул, вытер рукавом губы и проговорил. – Вот как раз этим и займешься. Еще проверишь всех владельцев наградного холодного оружия, у которых кинжалы имеются. – Среди них тоже ранее судимых искать? – понуро переспросил Федя. – Не думаю, что они склонны к таким делам. – Нет, конечно. Разузнай, может, у кого-то кинжал похитили, или он его потерял или продал. Если продал, то кому и когда... – Это я что, один должен все сделать? Может, Андрей мне поможет? – Федя просяще взглянул на меня, мол, выручай, друг. – Для Андрея у меня отдельные задачи. А тебе фронт работы ясен? – Так точно... – вздохнул Погодин. – Алексей, – Горохов повернулся к Каткову. – Тебе задание попроще... В понедельник, скорее всего, будут готовы предварительные результаты по вскрытию Завьяловой. Балерина – не наша подследственность, но работать в этом направлении будем. Все-таки – серия налицо, во всяком случае, для нас. Я договорюсь с бюро СМЭ, сгоняешь туда и выпишешь из заклю-

чения все интересности, какие считаешь нужным. Изучишь досконально и прикинешь по указанным характеристикам раневого канала примерную модель холодного оружия. – Эх... – вздохнул Катков. – Это же со справочными данными надо сверяться... – Ну так сверься, – фыркнул на него шеф. – Мне тебя учить? – Я же не могу в каждую командировку, Никита Егорович, все свои криминалистические книжки возить. Нет у меня ничего под рукой подходящего кроме общего оружиеведения. – У местных экспертов спросишь. Или в с Москвой свяжись. Озадачь коллег, пусть за тебя по справочникам пошарят. Еще сгоняем с тобой на квартиру, где повешенного Парамонова нашли. Проведем дополнительный осмотр места происшествия, вдруг местные чего-то упустили. – Тоже в понедельник? – с надеждой переспросил Катков. – Сегодня, Леша, сегодня... Чего тянуть. Местные никаких следов не нашли, а мы попробуем. Вся страна на тебя смотрит, Алексей... Не посрами, так сказать. Шеф перевел взгляд на Свету:– Ну, а ты, Светлана Валерьевна, пока прикинь психологический портрет предполагаемого убийцы, если учитывать, что все три убийства совершил один и тот же человек. Будем от этого отталкиваться. – Я уже немного набросала тут, – кивнула Света, открывая блокнот. – Вот как? Похвально... Поделись, пожалуйста, с нами. Света ровно и складно произнесла свои выводы:– Это человек сильный и уравновешенный, он уверен в себе и действует строго по намеченному плану, что не характерно для большинства маньяков, которые зачастую нападают на жертву здесь и сейчас и часто действуют стихийно и по наитию, просто выходя на очередную охоту. Этот же убийца тщательно выбирает своих жертв. – Значит, сильный мужик, говоришь? – Горохов еще раз отхлебнул из чайника. – Я такого не говорила, женщины тоже бывают сильными. – Ну, да... – покачал головой Никита Егорович. – Нам ли не знать... – Так вот, – продолжила Света, – убийца особо не скрывает своих действий, в том плане, что он дал нам уловить связь между преступлениями и описаниями их в книгах Светлицкого. – Ну, а если это ритуал? Сценарий? То как бы он скрыл? – Да, но после ритуала, он, например, мог бы сжечь квартиру, и тогда вообще не ясно было бы, как погибли балерина и директор швейной фабрики. Однако он оставил нам все как есть, будто инсталляцию. – И что это значит? Что он дурак? – Отнюдь, скорее, он с нами затеял игру... – Хм... – Горохов встал, заложив руки за спину, прошелся по кабинету. Потер нос миниатюрному бюсту Дзержинского, стоящему на шкафу, поправил треугольник висевшего на стене вымпела, на котором сверкала потускневшим золотом надпись: «Победителям соцсоревнований в честь 65-летия Октября». – Ты хочешь сказать, он бросил нам вызов? – Похоже на то, – кивнула Света. – Интересненько получается... Кто же этот любитель кровавых игр?.. Похоже, что натура он – творческая, раз по сценарию действует. Это не просто в подворотне человека прирезать, это все придумать и воплотить надо. И что получается? Что будут еще убийства? – Скорее всего. – Так-с... Вот вам и спокойный городок... И как мы можем их предотвратить? – Боюсь, что никак, мы же не можем брать во внимание все произведения Светлицкого и рассматривать их с точки зрения возможных последующих убийств. Он писатель, автор детективов. На его страницах море крови... – Нужно запретить ему писать, – авторитетно высказался Федя. Я сдержал усмешку, хотя мне сразу вспомнилось булгаковское: «Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки!» – Ага, а лучше сразу расстрелять, – хмыкнул Горохов. – Он там еще роман какой-то пишет, – вмешался я. – Новинку, которая не опубликована. Если подражатель, или, как правильнее его назвать – реконструктор действует по его книгам, то наверняка возьмет новинку на вооружение. – Какой роман? – Горохов крутанулся на месте, но слишком резко, висок у него явно прострелило болью, он поспешил снова упасть в кресло. – Не знаю... Мне его дочь рассказала по секрету. – Ах да... Дочь, – Горохов покосился на Свету. – Она работает в прокуратуре следователем, нужно через нее тонко разузнать о папаше. Допрашивать не имеем право, тут надо хитростью. Подход к девушке найти. – Мне этим заняться? – спросила Света. – М-м... Наверное, я поручу это дело Андрею Григорьевичу, раз он уж с ней знаком. – Андрею? – в глазах Светы сверкнули бесшумные молнии. – Как вы себе это представляете? – Прости,

Светлана Валерьевна, но это для общего дела требуется. Придется отрядить твоего ненаглядного, например, в кино с Соловейчик сходить. – В кино? – фыркнула Света, на миг забыв, что перед ней сидит начальник. Казалось она запульнет сейчас в него своим увесистым блокнотом с психологическим портретом. А что же, у нее там уже не один убийца содержался. – Ну да... В кино. Андрей Григорьевич пусть проявит, якобы, интерес к даме, как кавалер с ней встретится. Но это же все в рамках приличия. Только кино и мороженое, для налаживания оперативных позиций, так сказать. – Не поняла... Он что, ухаживать за ней будет? – щеки Светы полыхнули цветом висевшего на стене вымпела. – Ну зачем же ухаживать? – примирительно пробормотал шеф. – Это совсем ни к чему. Соловейчик, я так понял, сама на него запала... – Как запала? – Света упершись кулачками в стол, приподнялась со стула. Горохов немного съехал в кресле, будто хотел провалиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.